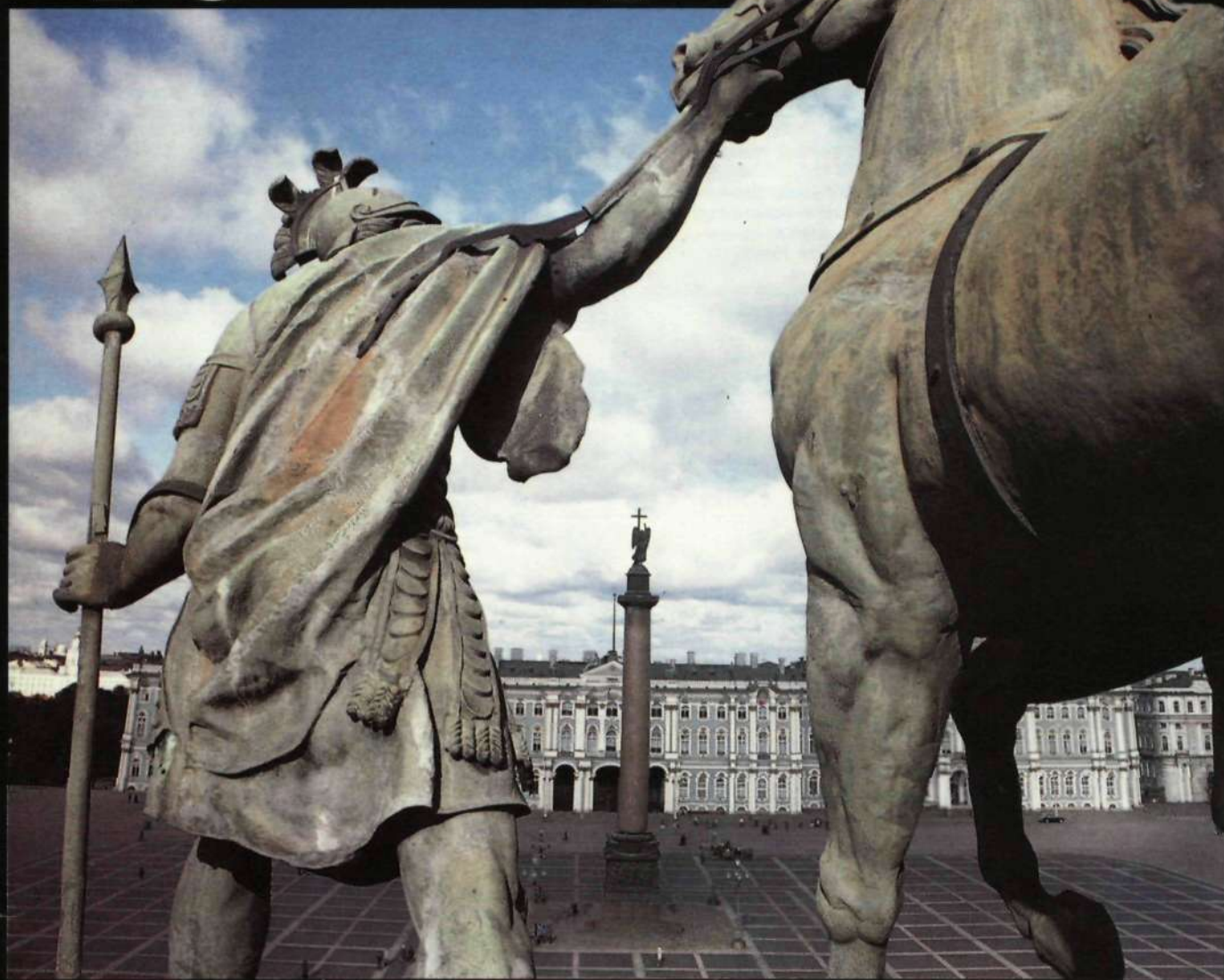

ЗВУКОВОЙ ЖУРНАЛ

КРУГОЗОР

11/88

К нам обращается Ленин.
Михаил Шатров. Драма истории.

Академик В. Казначеев: «Будем здоровы!»
Загадки белого медведя.

Борис Пастернак читает стихи.
Музыка Леонарда Бернстайна.

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

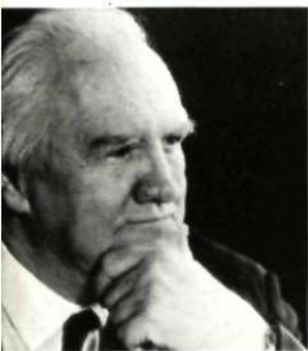
Играет пианист Леонид Пташко.
Поэт Леонид Сметанников.

Георгии Виноградов: танго о любви.
Лауреаты «Витебска-88».

Группа «Статус Кво».
Жанна Агузарова и группа «Браво».

ИЗВЕСТНЫЕ ПОЭТЫ — ЗАБЫТЫЕ СТРОКИ

В год Октября Николаю Семеновичу Тихонову было двадцать лет. Под впечатлением революционной бури он написал сборник стихов «Перекресток утопии». Он посвящался победе пролетариата, борьбе с контрреволюцией. Но этим юношеским строкам было суждено остаться в рукописи. Первые сборники стихов «Орда» и «Брага» вышли в свет, когда поэт прошел битвы гражданской войны. Эти книги полны неистребимой жадью жизни, первозданного восторга перед бытием.

Тихонов был тем новым человеком, тем «гунном», о приходе которого пророчествовали Блок, Брюсов, Волошин.

Многие строки его стихов той поры передавались из поколения в поколение. «Гвозди б делать из этих людей: крепче б не было в мире гвоздей»...

Основной чертой характера Николая Семеновича — и как человека, и как писателя — была его глубокая и горячая отзывчивость на все, что свидетельствовало о прогрессивном движении советской культуры. Им пройден долгий и значительный жизненный путь, написано много книг, которые можно рассматривать как правдивую и вдохновенную летопись целого поколения, творившего историю наших дней. А истоком этого пути была Октябрьская революция.

Н. ТИХОНОВ

КОГДА ВЕСЬ ГОРОД ПРАЗДНИЧНО ОДЕТ

Когда весь город
празднично одет,
По улицам проходят знаменосцы,
И, отражаясь в масляной воде,
Играют флаги яхт и миноносцев,
И вслед коням, залазгав на ходу,
Стремятся танки армии любимой,
А в небесах, в подоблачном ряду,
Стозвучных птиц полет
неукротимый...

Народ поёт о радостях живых
И о боях отваги непреклонной.
И я стою на площади зеленой,
И двадцать лет упало
с плеч моих.

Гранитных плит торжественный
квадрат,
Вокруг него ноябрьские деревья,
Вокруг него великий Ленинград,
Народных толп веселое кочевье,
Вдали широкоплечая Нева,
А здесь — в квадрате,
полном странной силы,—

Сверкающая инеем трава,
Геройская спокойная могила.
В земле родной легко лежат они,
Что шли в боях в сиянье стягов
красных,
В дни торжества народного
взгляды
На имена погибших не напрасно.

БАЛЛАДА О ГВОЗДЯХ

Спокойно трубку докурил
до конца,
Спокойно улыбку стер с лица.

«Команда, во фронт!
Офицеры, вперед!»
Сухими шагами командир идет.

И слова равняются
в полный рост:
«С якоря в восемь. Курс — ост.

У кого жена, дети, брат —
Пишите, мы не придем назад.

Зато будет знатный кегельбан». —
И старший в ответ:
«Есть, капитан!»

А самый дерзкий и молодой
Смотрел на солнце над водой.

«Не все ли равно, — сказал он, —
где?
Еще спокойней лежать в воде».

Адмиральским ушам простукал
рассвет:
«Приказ исполнен.
Спасенных нет».

Гвозди б делать из этих людей:
Крепче б не было в мире
гвоздей.

В. И. ЛЕНИН

Теперь против нас поднялся гигант культурного, технически первоклассно оборудованного, организационно великолепно налаженного всемирного империализма. С ним надо бороться. С ним надо уметь бороться.

Мы обязаны подписать, с точки зрения защиты отечества, самый тяжелый, угнетательский, зверский, позорный мир — не для того, чтобы «капитулировать» перед империализмом, а чтобы учиться и готовиться воевать с ним серьезным, деловым образом.

Н. И. БУХАРИН

Мы утверждаем, что выгоды, проистекающие из подписания мирного договора, являются иллюзией. Это иллюзиями живет т. Ленин, а не мы... Единственный плюс — это передышка. Как мы видим, возможность этой передышки раздута до невероятной величины стороной, стоящей за подписание мира. Из мухи здесь делается слона.

страну Советов на поток и разграбление империалистам.

И. В. СТАЛИН

Мир не подписывать, но начать переговоры с немцами.

В. И. ЛЕНИН

Эти условия надо подписать. Сталин неправ, когда он говорит, что можно не подписать... Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти...

Н. И. БУХАРИН

...Кайзеровские войска наступать в полную силу не смогут. Рабочие Берлина готовы к восстанию. Неужели мы не поддержим наших братьев по классу? Неужели предпочтем похабный мир с империалистами?

В. И. ЛЕНИН

Надо воевать против революционной фразы... чтобы не сказали про нас когда-нибудь горькой правды: «революционная фраза о революционной войне погубила революцию».

БРЕСТСКИЙ

Л. Д. ТРОЦКИЙ

Да, войну прекращаем! Вернется на пашню свою солдат-земледелец, вернется в мастерскую солдат-рабочий! Но не можем мы подписи революции под условиями мира ставить.

Н. К. КРУПСКАЯ

Любитель красивых фраз Троцкий думал не столько о том, как вывести из войны страну Советов, сколько о другом: как бы и тут принять красивую позу: «на унижительный мир не пойдем, но воевать не будем»... Владимир Ильич называл эту позу барской, гневно говорил, что лозунг «ни мира, ни войны» — авантюра, отдающая

Из газет

Нарушив перемирие, германские войска наступают... Взят Двинск и Полоцк, Минск и Режица... под ударом Псков и Нарва.

Н. К. КРУПСКАЯ

Срыв подписания мира был на руку империалистам. Развернув наступление по всему фронту, они предъявили новый ультиматум.

В. И. ЛЕНИН

...Новые условия хуже, тяжелее, унижительнее худых, тяжелых и унижительных брестских условий, в этом виноваты... наши горе-«левые» Бухарин, Ломов, Урицкий и К°. Это исторический факт, дока-

О ЛЕНИНЕ

На первой звуковой странице журнала — фонограммы двух речей В. И. Ленина «О крестьянах-середняках» и «О потребительской и промысловой кооперации», впервые вошедших в звуковую книгу о вожде революции.

В канун XIX Всесоюзной партийной конференции вышла в свет «Звуковая книга о Ленине».

Мы публикуем выдержки из новой главы «Тяжелый урок», целиком построенной на документальной основе и охватывающей период с ноября 1917 года по март 1918 года. Этот материал посвящен одному из наиболее драматических эпизодов развития социалистической революции и утверждения Советского государства — борьбе Владимира Ильича Ленина за подписание Брестского мира.

занный вышеприведенными голосованиями. От этого факта никакими увертками не скроешься. Вам давали брестские условия, а вы отвечали фанфаронством и бахвальством, доводя до худших условий. Это факт.

Из протокола № 45 заседания ЦК РСДРП(б) 23 февраля 1918 года

Присутствовали: Бубнов, Крестинский, Дзержинский, Иоффе, Зиновьев, Свердлов, Бухарин, Сталин, Троцкий, Ломов (Опорков), Ленин, Сокольников, Смилга.

Гости: Фенигштейн, Смирнов, Шотман и Пятаков.

Тов. Свердлов оглашает германские условия...

Тов. Ленин считает, что политика революционной фразы окончена. Если эта политика будет теперь продолжаться, то он выходит из правительства и из ЦК. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, надо принимать условия.

Из газет

После обмена мнениями состоялось голосование. За предложение

в нынешнем Колонном зале Дома Союзов, проголосовал за мир (714 — за, 276 — против, 118 — воздержались). Брестский мир был ратифицирован...

Н. И. БУХАРИН

Прекрасен был Ильич в минуты штурма. Но он был прекрасен и в минуты опасности, когда вражеский меч был совсем, совсем близко от наших голов.

В памяти всплывают брестские дни. Мы, «молодые», «левые», уже сделали ошибку, помешав заключить мир сразу, и продолжали упорствовать. И вот на решающее заседание Цека вбегает Ильич. Он — как громадный лев, запертый мальчишками в клетку. Он бежит по комнате, гневный, с суровой решимостью в лице, на котором подборлись и сжались все мускулы. «Больше я не буду терпеть ни единой секунды. Довольно игры! Ни единой секунды!» ...И Ильич ставит ультиматум. И Ильич ломает прежнее решение. И Ильич — могучий, грозный, железный, всевидящий — спасает революцию от страшных врагов: от

МИР-ЛЕНИНСКИЙ ПОДВИГ

ЭКСТРЕННЫЙ ВЫПУСК
№ 325
Выпущено
8 декабря 1918 г.

Центрального Исполнительного Комитета
и петербургского совета
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ.

ПЕРЕМИРИЕ ЗАКЛЮЧЕНО.

2-го декабря в 14 ч. заключено перемирие
на всем нашем фронте с условием
неперевоски войск на фронты союзни-
ков.

На прекращение перемирия! На прекращение гражданской войны!

УСЛОВИЯ ПЕРЕМИРИЯ.

Солдаты
приветствуют
весть
о заключении
перемирия.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Ленина немедленно принять германские условия — 7 (Ленин, Ставова, Зиновьев, Свердлов, Сталин, Сокольников, Смилга), против — 4 (Бубнов, Урицкий, Бухарин, Ломов), воздержались — 4 (Троцкий, Крестинский, Дзержинский, Иоффе).

На Экстренном Седьмом съезде Ленин выступил восемнадцать раз. Поименным голосованием делегаты поддержали позицию Ленина. Большинством голосов съезд одобрил подписание Брестского мира.

15 марта 1918 года IV Чрезвычайный Всероссийский съезд Советов, собравшийся в Москве

революционной фразы и от революционной позы, которые чуть было не выдали республику немецким палачам...

М. С. ГОРБАЧЕВ

Догматически, педантски трактуя марксизм не дано понять главного в этом учении — его революционной диалектики. Именно она отличает всю послеоктябрьскую деятельность Ленина. Именно она помогла совершить буквально на грани возможного и невозможного политический и нравственный подвиг Брестского мира, спасшего тысячи и тысячи жизней, само существование социалистического Отечества.

Корреспондент: Некоторые авторы писем замечают, что защитники сталинского наследия, не желая ворошить прошлое, обычно оправдывают это тем, что, мол, погружение в трагические годы может нанести духовный вред людям, особенно молодым, с неокрепшим мировоззрением, недостаточным житейским опытом. Среди таких «защитников» немало противников и вашей пьесы «Дальше, дальше, дальше...». Скажите, как вы относитесь к подобным опасениям?

М. Шатров: Если мы действительно хотим, чтобы каждый сознательно участвовал в перестройке, в революционной ломке бюрократических порядков, дурных нравов и привычек в жизни нашего общества, понимал, каких целей добивается партия, активно, как говорится, с открытыми глазами двигался к этим целям, участвовал в переустройстве нравственных и экономических сторон жизни, надо, чтобы человек хорошо знал прошлое, отличал в нем доброе и горькое, категорически осуждал все, что деформировало социализм, но и гордился тем, что наперекор всем жестокостям времени и бесчеловечным испытаниям совершали наши люди. Нигилисты не способны быть в рядах тех, кто творит перестройку. Историю своего народа надо знать, уважать, как бы ни были горьки некоторые ее страницы.

— Словом, вы за то, чтобы в истории не было тайн за семью печатями. Правда, только правда! Ну, а ваша пьеса «Дальше, дальше, дальше...», насколько она соответствует исторической правде? Находясь же в ней отступления от исторической действительности.

М. Шатров: Пьеса — не научный трактат. Художник вправе, если он знает характер, психологию своих героев, конкретную историческую ситуацию, что-то домыслить там, где существуют «белые пятна», где невозможно сегодня точно узнать, как было на самом деле. Чем глубже знания, тем ближе к истине. И это не авторский произвол, а правда характера, правда времени. В пьесе есть подзаголовок «Авторская версия событий, происшедших 24 октября 1917 года и значительно позже». Но никто почему-то на эти слова не обращает внимания. Конечно, пьеса написана на основании документов, писем, воспоминаний. Точность ее исторической оснащенности проверялась многими учеными. Мне повезло — я встречался и беседовал с людьми, которые возвращались из лагерей, или с теми, которые заговорили после долгих лет вынужденного молчания. Происходило это в 1956 году. Моими собеседниками были представители старой гвар-

дии революционеров — Петровский, Стасова, Зинаида Гавриловна Орджоникидзе, Фофанова, Микоян. Многие из того, что я узнал тогда, понял и осознал, вошло в пьесу «Дальше, дальше, дальше...».

— В своем творчестве вы многие годы верны теме революции. Чем это вызвано?

М. Шатров: Историей я интересовался всегда. В ней ответы на многие мучающие нас сегодня вопросы. Конечно, сказалось и то, что моя семья была причастна к революции. Многие из моих родственников за это поплатились — были в годы сталинщины репрессированы, погибли. Так что это мой нравственный долг — рассказать правду о революции, о Ленине, о его боевых сподвижниках. Моя юность пришлось на исключительно тяжелое время. Помню, как мать категорически запрещала мне поддерживать какие-либо контакты с нашим, правда, довольно дальним родственником, прекраснейшим поэтом Самуилом Яковлевичем Маршак. Запрещала, чтобы не бросить на него мрачную тень, — ведь я был сыном расстрелянного врага народа. Но прошли годы, и вот в 1955 году Маршак позвонил мне, мы с ним встретились. Он очень порадовался, что я написал пьесу. Но попросил, чтобы я непременно выбрал себе псевдоним, потому что в литературе должен быть один Маршак.

И вот, сидя на лекциях в институте, я перебирал разные псевдонимы. Сначала придумал, что буду Апрельев, потому что родился в апреле. Потом хотел стать Тумановым. А когда пришел в театр, где ставили мою первую пьесу, режиссер спросил: «Ну что, псевдоним придумал? Все мучаешься. Ну, ладно, давай мне пьесу, кто там твой любимый герой? Шатров. Будешь Шатровым». Так я стал Шатровым.

— Можно ли сказать, что теперь для вас открыты двери архивов, и как вам видятся перспективы возможного сотрудничества в этом смысле с зарубежными историками?

М. Шатров: К сожалению, главные архивы для меня до недавнего времени были закрыты, как, впрочем, и для других. Основными источниками для меня остаются по-прежнему работы В. И. Ленина, мемуары, воспоминания, опубликованные в нашей стране до 1924 года. Я, конечно, стараюсь быть в курсе того, что делает историческая наука в других странах. Но, повторяю, меня не пускали в наши архивы, впрочем, не пустили меня и американцы в Стратфордский университетский архив. На Западе работают ученые, которые интере-

суются нашим историческим опытом непредвзято, они искренне хотят понять природу наших успехов и ошибок, пути, которыми мы идем.

— В истории не должно быть белых пятен. Крайние сторонники этого ставят даже вопрос о том, что не пришла ли, мол, пора издать работы Авторханова и Солженицына, в которых, как они считают, несмотря на определенную тенденциозность, достаточно подробно освещаются вопросы нашей истории?

М. Шатров: Когда мы досконально разберемся со своей историей, когда мы встанем на твердые ноги в этом смысле, будем знать все факты, и героические, и горькие, тогда мы будем готовы во всеоружии полемизировать с авторами этих и других подобных книг, написанных с антимарксистских позиций. Сейчас я бы не стал их издавать, хотя, может быть, ошибаюсь. Думаю, надо прежде всего вооружить людей, особенно молодых, ленинской правдой о жизни и о революции, знанием нашей истории без всяких изъятий. Только тогда борьба будет идти на равных. А она должна идти. И уже идет. Мы в ней, к сожалению, пока слабо вооружены. С «Кратким курсом» в руках не повоюешь.

— Случались ли в вашем творчестве компромиссы, и если были, то не сказывались ли они на художественном уровне произведения. И вообще, как это согласовывалось с вашими принципами?

М. Шатров: Компромиссы? Были. Так, например, передо мной возникла такая ситуация: или пьеса «Так победим!» идет в театре и со сцены герои говорят все то, что произносили в жизни, что соответствует протоколам заседания ЦК, или она не пойдет никогда, если будут названы имена этих людей. Вот такое было категорическое требование. В театре мы все обсудили, взвесили и решили, что в самом спектакле заложен такой заряд революционности, исторической откровенности, что в этом случае можно пойти на уступку. Мы не назвали фамилий героев пьесы. А теперь я думаю, надо ли переделывать пьесу? И держусь того мнения, что пусть все остается как есть, пусть это будет приметой тех нелегких для всех нас лет. А ленинский план построения социализма, в чем он заключался и что произошло потом, как эти идеи были Сталиным исковерканы, вот это нам удалось в пьесе передать. А это главное.

И, кстати, еще о компромиссах. Я очень хорошо помню, как однажды, а жили мы тогда недалеко от метро «Аэропорт», зашли с мамой в магазин «Комсомолец». И вдруг

М. Шатров:
Я вижу наше
сегодняшнее
состояние
общества
как абсолютно
революционное,
связанное
с протекающими
переменами
в сознании
людей
и, конечно,
с созданием
отлаженного
механизма,
который
гарантировал
нам
демократическое
развитие дальше.
Но у меня
ощущение,
что не все еще
возможности,
не все силы
мы включили
в борьбу...
Слушайте
вторую
звучку
звучку.

Фото В. ЕРШОВА

она увидела в очереди одного старого, больного человека, и ей стало плохо. С трудом она при моей помощи дошла до дома и рассказала мне, что в очереди увидела одного из тех, кто допрашивал ее в тюрьме. Ее допрашивали каждую ночь, били и обвиняли только в том, что она 12 лет назад была женой расстрелянного врага народа. Других обвинений к ней предъявлено не было. В общем, что говорить, вопрос горький, трудный. Мое личное мнение такое — я за то, чтобы народ знал имена этих людей, но при этом не надо жаждала крови. Речь должна идти о моральном возмездии. Иначе можно далеко зайти, хотя это тоже своего рода компромисс.

— Где-то я прочитала, что при Ленине первое наше правительство было самое образованное в мире. Истинным революционерам вообще была присуща интеллигентность.

М. Шатров: Да, мы знаем, что, даже томясь в тюрьме, в ссылке, на каторге, они использовали каждую возможность, чтобы стать образованными людьми. Надо сказать, что интеллигентность сегодня присуща и многим простым рабочим. И я не думаю, что только интеллигенты должны быть на командных постах в государстве. Хотя в принципе каждый человек должен стремиться к интеллигентности, если, конечно, понимать под интеллигентностью духовность человека, уровень его культуры, профессиональной подготовленности. С этим у нас долгое время был большой дефицит, сейчас многие сами стремятся обрести интеллигентность, так что положение и с этим будет исправляться.

— Как вы считаете, теперь, после XIX Всесоюзной партийной конференции, дело перестройки идет быстрее?

М. Шатров: Во-первых, мне больше импонирует слово «революция», потому что она острее дает почувствовать размах, глубину преобразований, почувствовать, какой потенциал заложен в социализме, в советском человеке. Я вижу наше сегодняшнее состояние как абсолютно революционное, связанное с коренными переменами в сознании людей, общества в целом и, конечно, с созданием отлаженного механизма, который гарантировал бы нам демократическое развитие дальше. Словом, как в пьесе говорит Ленин: дальше, дальше, дальше. Но у меня ощущение, что не все еще возможности, не все силы мы включили в борьбу, чтобы обеспечить необратимость этого процесса, чтобы в полную мощность заработал потенциал социализма. ■

В читательской почте «Кругозора» встречаются нередко письма, авторы которых проявляют живой интерес к героическим и трагическим страницам истории нашей страны. К сожалению, историческая наука долгие годы не отвечала запросам общества, да и сейчас пока не поспевает за растущим интересом, особенно молодежи, к далекому и совсем недавнему нашему прошлому. И ответы мы часто ищем у писателей, творческие замыслы которых связаны с исторической тематикой. К их числу относится и драматург Михаил ШАТРОВ, отвечающий сегодня на вопросы наших читателей.

МИХАИЛ ШАТРОВ: «ДАЛЬШЕ? ДАЛЬШЕ, ДАЛЬШЕ!..»

На шестой
звуковой
странице
вы услышите
записи
фрагментов
музыки
Бернштейна,
его исполнения,
пресс-конференции
в Москве во время
гастролей 1988 года.

Быстро подойдя к дирижерскому пульту в Зеленом театре московского парка культуры и отдыха, Леонард Бернштейн в белой спортивной блузе с красным платком на шее был похож на пионера. И международный его оркестр был уж если не пионерским, не отроческим, то совершенно юношеским (ребята-контрабасисты сидели на сцене в шортах) и не слишком устоявшимся, не очень искусным, но все-таки гибко повинующимся своему лидеру. Лидер же — Бернштейн — творил чудеса.

Что делать! Иногда я жалел, что невозвратимы далекие времена, когда дирижеры вели концерт, стоя лицом к залу. В голову упорно лезло сравнение Бернштейна-дирижера с яростно пляшущими точками, линиями и кругами на экране осциллографа — казалось, именно такой была живая формула его ог-

нового исполнительства. Но мне хотелось видеть его лицо. Я тихо встал со своего места, через боковую вход пробрался за кулисы, стал смотреть, стал слушать и неожиданно прочел в его глазах под седыми бровями, увидел в сплетениях его рук и, конечно, услышал в оркестре сдержанного, негромкого, чуть застенчивого Шостаковича. Первую его симфонию с хрестоматийно-известной изящнейшей причудливо-маршевой темой, которая еще и еще раз обожгла меня «пламенем новых откровений», как сказал бы Луначарский. Я услышал прошлое из будущего.

И я вспомнил, как в 1959 году, почти тридцать лет назад, во время первого приезда Бернштейна в СССР, в зале был сам Шостакович, вспомнил, что Бернштейн устроил небольшую лекцию-концерт сродни тем, что он вел многие годы по телевидению. И мы, естественно, и тогда знали «начало» его биографии, знали о его фантастической образованности (он окончил Гарвардский университет и институт Кёртиса), знали о том, что дирижированию он

учился у Кусевицкого, что 14 ноября 1943 года после бессонной ночи, проштудировав партитуры «Дон Кихота» Рихарда Штрауса и шумановского «Манфреда», 25-летний Бернштейн заменил у пульта в Карнеги-холле (без репетиций!) заболевшего Бруно Вальтера...

Как пианист он обрел великолепную школу у Венгеровой — ученицы Лешетицкого и Есиповой. Среди его педагогов по композиции были Копленд и Хиндемит. Комментарий, как говорится, излишни. На нашей звуковой странице — минута его исполнения «Рансодии в стиле блюз» Гершвина. Этой минуты достаточно, чтобы оценить джазовый блеск Бернштейна-пианиста и истолкователя.

Истолкователя. Вот тут мы подходим, пожалуй, к существу дела. Бернштейн никогда не был только исполнителем или только композитором и тем более не был музыкантом в вакууме, которому безразлично, как относится к музыке публика. В этом плане фигура Леонарда Бернштейна, пожалуй, уникальна. В июне 1966 года, то есть 22 года назад, он обратился к своей широкой аудитории с открытым письмом. Он забил в колокол тревоги. Он утверждал, что еще где-то на рубеже 1914 года порвалась связь между композиторами и публикой.

«Первая мировая война, — писал он, — поставила жирную точку: Дебюсси, Малер, Штраус и ранний Стравинский лишь провели финишную черту: это были последние имена в долгой эре взаимной зависимости композитора и публики. А затем эта взаимозависимость превратилась в лотасовку: композитор против публики. Уже пятьдесят лет слушатели проявляют интерес прежде всего к музыке

ПЛАМЯ НОВЫХ ОТКРОВЕНИЙ

прошлого... Споры идут вокруг Вагнера, словно это не Вагнер, а Штокгаузен. Мы все еще открываем симфонии Гайдна, оперы Генделя...» Тулик в современной музыке?

Но далее, подобно тому как сам он, Леонард Бернштайн, вдруг в каком-нибудь кульминационном моменте, выбрасывает свою палочку к солирующему инструменту, он в том же письме обращает свой жезл в неожиданном, казалось бы, направлении: «Поп-музыка представляется единственной областью, где все полно жизни, где царит веселье изобретательства, где легко дышится. Все остальное вдруг кажется устаревшим: электронная музыка, сериализм, алеаторика — все это уже приобрело затхлый запах академизма...»

Конечно, он не противопоставляет классику поп-музыке, так же как он в нынешнем году на пресс-конференции в Москве не противопоставлял классике рок. Первой он отдал образную систему, космос, работу души, второму — внешний ряд чувств, роль эмоционального магнето.

Но в принципе какая откровенность, какое отсутствие затхлого академизма и — с другой стороны — признание завоеваний поп-музыки, того самого жанра, которому места в «серьезном» композиторском и исполнительском партере даже не отводилось...

И потому логично, что Бернштайн оказался создателем и мюзикла. Теперь некоторые его мюзиклы кажутся нам архаичными. «Чудесный город», например. Или незнакомый у нас «Кандид» (по Вольтеру). Но «Вестсайдская история» Бернштайна останется открытием. Итальянцы Ромео и Джульетта подали руку пуэрториканке Мари и американцу Тони. Верона XVI века протянула свои каменные стены к бетонным откосам предместий Нью-Йорка и Лос-Анджелеса. Этот мюзикл Бернштайна — один из тех прорывов, которые делают эпоху не только в музыке, но и в социологии искусства. Это трактовка демократии в музыке и в политике даже. Ведь взрыв молодежного движения в мире произошел как раз тогда, в 60-х годах, когда антирасистская «Вестсайдская история» уже совершала свое триумфальное шествие по сценам и экранам многих стран света.

Посреди жестокости современного мира так ценен голос живого, импульсивного, часто зажигающегося от магии собственной речи или собственного исполнения Леонарда Бернштайна, который сказал однажды: «Я фанатически люблю музыку. Я не могу прожить ни одного дня, не слушая музыки, не играя, не изучая ее или не думая о ней».

Артем ГАЛПЕРИН

ЛИТЕРАТУРА: МЕСЯЦ ЗА МЕСЯЦЕМ

Мы не перестаем удивляться великому литературному урожаю 1988 года, хотя в радости нашей есть оттенок грусти: взращен этот урожай трудами многих литературных поколений.

Говоря о задержанной литературе, мы имеем в виду обычно русскоязычную прозу. Но сейчас стало отчетливо видно, как много потеряла наша литературная жизнь из-за того, что ряд крупнейших произведений западных писателей, так кровно касающихся нашего общества, нашей истории, был отделен плотными стенами от русского читателя. Стены эти рушатся. «Нева» (№№ 7,8) публикует роман Артура Кёстлера «Слепящая тьма».

В том же номере журнала, где окончание этого романа, напечатана подборка стихов Ивана Елагина — замечательного русского поэта зарубежья с послесловием Даниила Гранина. Рассказывая о том, как стихи Елагина в 60—70-х ходили в списках, Гранин замечает: «Самиздат» производил жесткий отбор». Но самым жестким был отбор иностранной прозы. Роман Кёстлера его прошел. Он требовал бескорыстного исполнения перевода. И находились энтузиасты, бравшие на себя труд просвещения соотечественников.

Меня всегда занимала мысль: что заставило таких людей, как Бухарин, Рыков, Томский, Каменев, Зиновьев и другие, — несть им числа — столь бесславно умереть, оклеветав себя на собственных процессах. Били, пытали? Но ведь люди не слабого десятка, их не сломили и царские тюрьмы.

Кёстлер, предлагая свою версию, отвечает на этот вопрос. «Судьба Н. З. Рубашова вобрала в себя судьбы нескольких человек, которые стали жертвами так называемых московских процессов. Кое-кого из них автор знал лично. Их памяти он и посвящает эту книгу». Это эпиграф к роману Кёстлера. Нелишне напомнить, что сам Кёстлер, в конце тридцатых — коммунист, бывал в Советском Союзе.

Не надо искать в книге Кёстлера документальности, точных деталей и узнаваемых черт биографий. Автор и сам этого не хочет — не случайно же не названа страна, где разворачивается действие, хотя совершенно ясно, о какой стране Победившей Революции идет речь, не назван и Сталин — хотя в портретах усатого диктатора, именуемого Первым, без труда узнается именно этот исторический персонаж.

Рубашов, главный герой романа, — один из тех, кто отдал себя Революции, один из основателей партии, поставившей себе целью обеспечить счастливое будущее человечества. «Для нас не существовало права личности на собственное мнение: личное дело каждого человека мы считали нашим общим делом», — пишет Рубашов в дневнике.

Выполняя задания партии, он всегда исходил из принципа: человек может ошибаться, партия же — всегда права.

И вот безжалостную логику Рубашова о непогрешимости партии, о необходимости жертв на пути к светлому

Окончание
на стр. 16.

Леонард Бернштайн в Москве: с дочерью, с солистками молодежного оркестра, с москвичами после концерта. Фото И. КРАВЧЕНКО

Новый подход
к здоровью человека.
В чем его суть?
Об этом в беседе
с нашим корреспондентом
Т. Померанцевой
рассказывает директор
Института
клинической
и экспериментальной
медицины, академик
АМН СССР
Влаиль Петрович
КАЗНАЧЕЕВ.

Влаиль Петрович, Всемирная организация здравоохранения утверждает, что здоровье — это «состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов». Следовательно, ответственность за здоровье людей должно разделять с врачом и общество?

В. П. Казначеев: Безусловно. Но и человек ответствен перед обществом за свое здоровье. Его надо рассматривать не в узкомедицинском значении, не как самоцель. Здоровье должно позволять человеку осуществлять его призвание, самосовершенствование, обеспечивать продолжительную активную жизнь.

Я думаю, вы согласитесь, что недопустимо нынешнее положение дел, когда человек в возрасте от 16 до 65 лет — самым трудоспособным — 6—7 лет теряет из-за болезней.

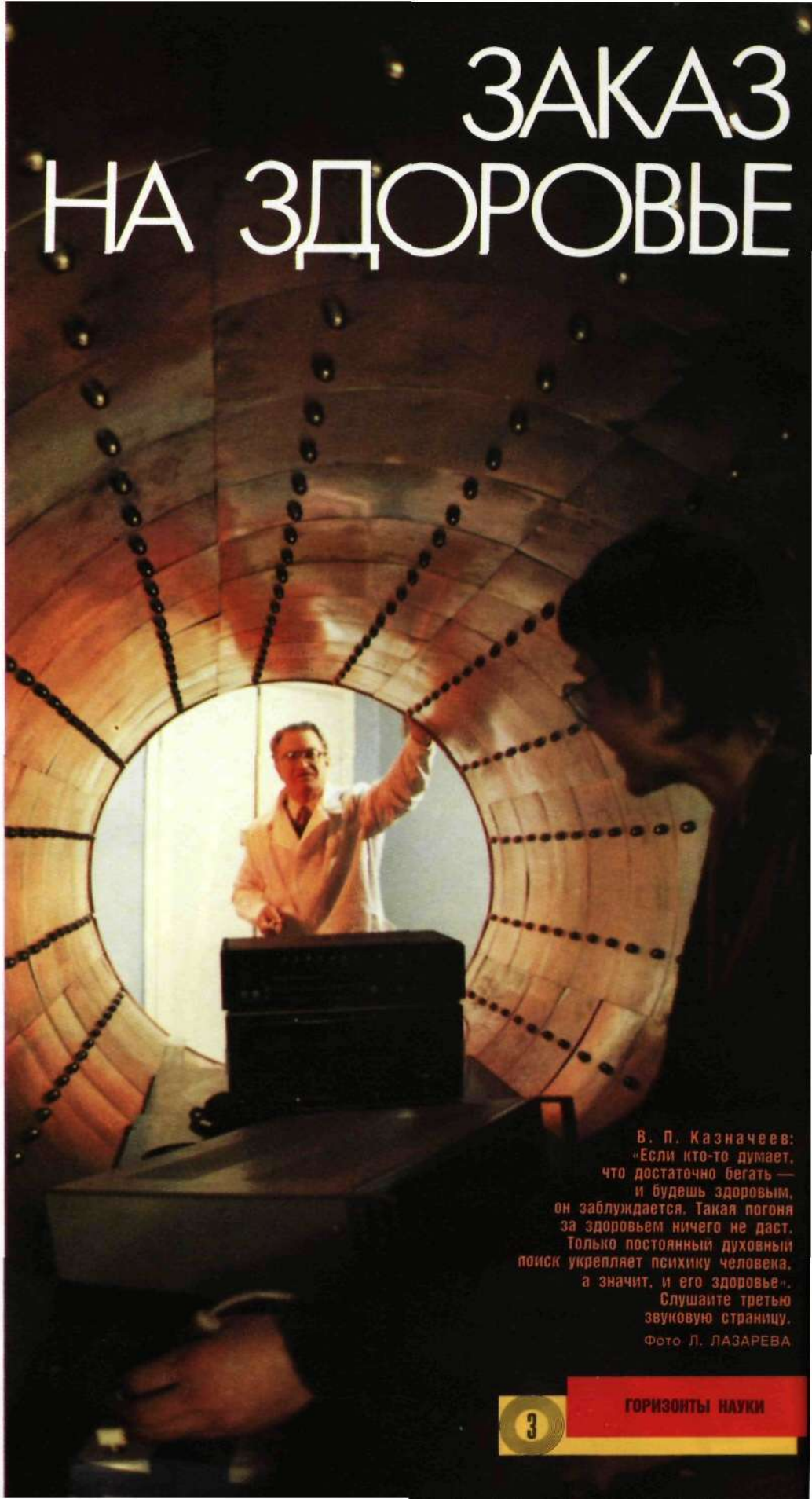
В нашем институте мы тщательно проанализировали, почему же это происходит, почему люди иногда вынуждены уходить на инвалидность или менять профессию. Есть сведения, которые говорят о накоплении утомления среди практически здоровых людей, о снижении резервов здоровья в обществе.

Болезней, увы, не стало меньше: на смену одним приходят другие. Растет число генетических дефектов, появилась опасная тенденция роста детских хронических болезней.

В результате анализа мы убедились, что в общем балансе потерь здоровья медицинская профилактика сможет устранить только 15 процентов. А 85 процентов зависят от социальной и трудовой неустойчивости.

Медицинская профилактика не может сохранить здоровье без благоприятных социальных и трудовых условий, поскольку именно их разрушительные силы давят на биологически уязвимые системы человека — прежде всего на его психику. Однобокий технократический подход к человеку сейчас остро критикуется в прессе. Однако руководители предприятий, как и прежде, борьбу с ухудшением

ЗАКАЗ НА ЗДОРОВЬЕ

В. П. Казначеев:
«Если кто-то думает,
что достаточно бегать —
и будешь здоровым,
он заблуждается. Такая погоня
за здоровьем ничего не даст.
Только постоянный духовный
поиск укрепляет психику человека,
а значит, и его здоровье».
Слушайте третью
звуковую страницу.

Фото Л. ЛАЗАРЕВА

дисциплины и понижением производительности предпочитают вести, «закручивая гайки» или пытаясь «компенсировать» тяжелые условия труда повышением зарплат.

Я считаю, что важнейшим критерием экономики должно быть здоровье людей. Если ориентация планирования народного хозяйства на физическое, духовное, социальное здоровье человека не будет проводиться в ближайшем будущем, то дальнейший рост производительности труда приведет к необратимому истощению «жизненной силы», ухудшению воспроизводства населения и соответственно ко все большему дефициту полноценных работников.

И вот вам примеры. Новостройки Дальнего Востока, Бурятии и Читинской области в короткое время охватили громадные территории, затронули 27 миллионов человек, живущих за Уралом. Вызвали миграции с запада на восток и с юга на север, из села в город. За 10 лет строительства на БАМ и обратно проследовало около 2 миллионов человек. Во многом именно социальная неустроенность на БАМе вызывает высокую заболеваемость. Не может не беспокоить и то, что на востоке страны приехавшие сюда не задерживаются больше трех — пяти лет.

— Ученые Сибири, и в частности вашего института, изучали этот вопрос?

В. П. Казначеев: Да, и выяснилось, что люди уезжали потому, что руководители производств и местные власти в основном были заняты тем, чтобы «гнать план», мало думали о проблемах самого человека. Вместе с Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР наш институт участвовал в экспедициях, где изучал социально-гигиенические, медико-биологические и экономические проблемы Крайнего Севера, БАМа, Новосибирской области, Кузбасса, Средней Азии.

— Что же предлагают медики?

В. П. Казначеев: В Институте клинической и экспериментальной медицины, в ряде других подразделений Академии медицинских наук СССР уже разработаны методики, позволяющие широко внедрить систему жизнеобеспечения населения — заняться преобразованием условий повседневной жизни человека в конкретных условиях. Наш институт начал реализовывать одну из них в Якутии, в городе Мирном совместно со Всесоюзным производственным объединением «Якуталмаз». В результате целостного системного подхода значительно снизилась заболеваемость всего населения города.

— Но в масштабе страны эту задачу, видимо, не так просто решить. В чем ее основная сложность?

В. П. Казначеев: В том, что, по сути дела, социальные и медицинские меры надо объединить, а к этому далеко не все службы наших регионов готовы. Но, если уже сегодня не планировать здоровье человека, пострадают, безусловно, и наши экономические и социальные планы. Благо человека — стратегическая цель всей перестройки жизни нашей страны. И к этой цели надо стремиться через все трудности и преграды.

— А в чем сам человек должен видеть свое благо?

В. П. Казначеев: Я думаю, прежде всего в активной деятельности и творчестве. Если уходить постоянно от жизненных проблем и неудобств, то мускулы тела и души ослабнут или вовсе атрофируются. Тем более врач не должен призывать пациента к спокойной жизни, блокировать его творческие импульсы и стремление к изменению действительности. Таким способом он не снимет психическое напряжение пациента, а, наоборот, загонит вглубь, и оно будет копиться и нарастать, осложняя течение предболезни и болезни, и приведет к хронической патологии. Кстати, сегодня 30—40 процентов хронических болезней имеют психогенную основу.

Медицина не имеет права формировать и поставлять обществу неудачников. Она обязана способствовать прогрессивному развитию общества.

В клинике нашего института мы пытаемся создать своего рода микро модель практической медицины будущего. Ищем естественные методы совершенствования и восстановления здоровья. Я убежден, что медицина будущего станет в основном безлекарственной. Человек способен научиться сам, без помощи медикаментов, психофизиологически управлять своим организмом. Его возможности велики, нужно только открыть их, суметь воспользоваться ими.

Над этим как раз и работает наш институт. Мы изучаем состояние здоровья человека, процессы его адаптации, общие механизмы хронических заболеваний. Мы стремимся познать человека во взаимодействии со средой (социальной, экономической, природной) вопреки существующей в современной медицине тенденции рассмотрения патологических, болезненных состояний организма в отрыве от условий труда и быта человека. И я думаю, мы на правильном пути, если признать самыми емкими характеристиками благосостояния высшие человеческие ценности — жизнь и здоровье. ■

**«Песня
«Ради
матушки-земли»
мне так
же в душу
вошла, как
и песня
«День
Победы», —
рассказывает
народный
артист СССР
Леонид Сметанников
на восьмой
звучковой
странице**

«Нам очень понравилась песня О. Фельцмана и М. Рябининой «Ради матушки-земли» в исполнении народного артиста СССР Леонида Сметанникова. Она вошла в программу заключительного концерта «Песня-87». Стихи и музыка этой песни глубоко патриотичны. Это — песня-память, песня-история. Певец своим превосходным исполнением сумел в историческом песенном повествовании выделить основной лейтмотив — тему героического и миролюбивого характера нашего народа.

Очень просим, запишите, пожалуйста, эту песню на пластинку «Круго-

**и исполняет
эту песню
О. Фельцмана
и М. Рябининой
в сопровождении
оркестра
Министерства
обороны СССР.**

зора» в исполнении Л. Сметанникова. Вы порадовали поклонников А. Пугачевой, В. Высоцкого, Л. Леонтьева, различных рок-групп — дали записи, поместили фотографии. Пожалуйста, порадуите и поклонников таланта Л. Сметанникова.

Уверены, что песня «Ради матушки-земли» будет подарком для наших старших товарищей, участников Великой Отечественной войны. ■

Фото
А. ЛИДОВА

Ветераны труда завода
Дезхимоборудования г. Пензы:
Алешкина Г. С.,
Банникова Т. С.,
Гасилин В. П. и многие другие»

ГРЯДУЩИЕ ЛЮДИ- КТО ВЫ?

«Футурист» Северянин* полулежит в «лимонном будуаре из серого клена с обивкой шелковой» и, полузакрыв глаза, приветно шепчет прекрасной своей инфанте:

Вы такая эстетная,
Вы такая бутончатая...

А прекрасная инфанта отвечает томно:
— Ах, какой, Вы, право, футурист!

А в это время под окнами будуара, что на Большой Проломной, огромными шагами бродит футурист Маяковский, бродит, ручищами размахивает, а на перекрестке улиц на тумбу влезет и ухаает голосом громоподобным.

И вздрагивает поэт в шелковом будуаре, к нежному обращению привыкший.

Эй, послушайте!..

А ну-ка
За бороду
Из-под дивана
И камнем по бороде...

И собираются любопытные (уж больно пронзительные

слова у поэта, так и впиваются в мозг!), и жмутся друг к другу. Позвольте, да что же это?

И крестится старуха, вспоминая антихриста.

И бьется в истерику женщина у ног его: «Не могу я!»

...я не могу!

Не могу я среди звериных рыл!

Отпустите меня

к любви,

к игре.

Я хочу детей,

я хочу мужей,

не могу я жить нелюбимая.

— Ах, какой нехороший, скверный поэт!

И, кончив уличную свою истерику, бежит к Северянину.

Что же это за удивительный поэт, от которого —

И женщина в истерику,

И старуха вспоминает

антихриста,

И неробкие мужчины

жмутся друг к другу,

И футурист зло

подемеивается (...).

И критик-то стыдливо,

непочтительно подхихкивает.

В самом деле: футурист он или «это нарочно»?

Вот и Северянин непременно футурист, а ведь он и Маяковский, я бы сказал, — под одним знаменем величайшая наглость контрастов.

Один, будто «принцесса Греза», шепчет на французский манер, поет

Про любовь,
Про принцесс.

Шепчет, ломается, в альбом мадригалы великолепные записывает.

«Поэт-эстет», последний из умирающих...

Другой... Впрочем, неужели он футурист?

Слушайте, сейчас он, «тринадцатый апостол», откроет новое свое евангелие.

Я вам открою
словами
простыми, как мычанье,
наши новые души...

Затихает уличная его аудитория.

Вот сейчас, сейчас услышим новое слово.

Я вам только головы пальцем
трону,
и у вас
вырастут губы для огромных
поцелуев
и язык
родной всем народам.

И все. И больше ни слова о новом Грядущем, о новых людях. Он даже сам недоуменно спрашивает непостижимую свою толпу:

Грядущие люди!
Кто вы?

Когда в середине 60-х годов, работая в архиве М. М. Зощенко, я наткнулся на эту статью, то, честно скажу, не поверил своим глазам. Нет, удивило меня не то, что Зощенко написал о Маяковском. Я знал, что он очень любил поэзию, при каждом удобном случае вставлял в текст своих повестей и рассказов строчки из Шекспира и Байрона, Пушкина и Некрасова, Блока и Есенина, а однажды даже написал статью о Заболоцком. Почему бы ему и о Маяковском не написать? Не удивило меня и то, что я держу в руках произведение Зощенко, стилистика и язык которого и в малой мере не напоминают зощенковские. Свои первые сатирические рассказы Зощенко опубликовал в конце 1921 года. Взлет его был столь яростен, что многим читателям представлялось (и теперь представляется), будто он вошел в литературу легко — одним махом, без какого бы то ни было предварительного подступа: вечером сел за стол — утром проснулся знаменитым писателем. Но это не так. Прежде чем стать тем Зощенко, которого все мы знаем, он совершил поистине невероятный внутри себя творческий переворот. Он шел к себе, к своему неповторимому сказу через овладение традиционной стилистикой русской литературы. До первого появления в печати им было написано — еще не зощенковским, а как говорится, расхожим почерком беллетристики — две повести, более двух десятков рассказов, сказки, зарисовки, этюды и другие произведения малых прозаических жанров. Все это он считал лишь пробой пера, поиском литературной манеры и не только никогда не делал попыток что-либо из этого напечатать, но даже не включал в свою писательскую биографию... Да, литературная форма статьи о Маяковском, написанной за два с половиной года до первой публикации — в «подготовительный» к профессиональной работе период, не могла меня удивить. И, наконец, я не удивился, что статью о поэте написал... милиционер. Я знал, что именно летом 1919 года по инициативе Горького в Петрограде,

МИЛИЦИОНЕР МИХАИЛ ЗОЩЕНКО ПИШЕТ О МАЯКОВСКОМ

рукописи — не горят

Фото
из семейного
архива
М. М. Зощенко.
Публикуется
впервые.

* Игорь Васильевич Северянин (Лотарев), популярный до революции русский поэт.

при издательстве «Всемирная литература», была открыта литературная студия, и вот туда-то на занятия семинара критиков приезжал свободными вечерами со станции Лигово старший милиционер железнодорожной милиции Михаил Зощенко. Он еще не определил для себя, чем будет заниматься в литературе, и потому пошел не к прозаикам, которыми руководил Е. И. Замятин, а к К. И. Чуковскому. Корней Иванович был первым, кто разглядел в Зощенко будущего сатирика. Но сначала им были прочитаны статьи Зощенко о Теффи, Борисе Зайцеве, Блоке. И вот эта статья — «О Владимире Маяковском». Так почему же, познакомившись с ней, я не поверил своим глазам? Что меня так поразило? Вот что. На дворе только еще 1919 год, Зощенко знает пока лишь «Простое, как мычание» и «Мистерию-буфф», но он уже чувствует в Маяковском «гениальнейшего поэта»! Маяковский «заворожил» его «своей силой», «огромной волей к жизни» «после умирания, пустоты, отчаяния и непротivления» «придуманных» и «неживых» Северянина, Гиппиус, Зайцева и других властителей дум предреволюционной поры. Он увидел в Маяковском истинного «тринадцатого апостола», глашатая новой жизни. Да, некоторые суждения Зощенко о творчестве Маяковского на рубеже революции расходятся с более поздними толкованиями исследователей. Зощенко выделяет — как главенствующий в Маяковском — разрушительный пафос. Он не находит в его поэзии призывов к разумному созиданию. Его не устраивает идея: все и вся уничтожить до основания, а затем начать все сначала... Но как думающий человек, что иное он мог еще написать о Маяковском в июле 1919 года? В отличие от будущих толкователей творчества поэта Зощенко ведь еще не знал, что пройдет несколько лет и Маяковский в сознании миллионов людей предстанет великим поэтом — нет, не безвременья! — а именно революционного созидания.

Ю. ТОМАШЕВСКИЙ

Вот — я,
Весь
Боль и ушиб.

Толпа жадно ждала новых слов о жизни, но поэт не знал. Зато он много знает о себе:

...я — Наполеон!

Я полководец и больше.

Я... усталый

в последнем бреду...

Мама!

Ваш сын прекрасно болен!

Я величайший Дон-Кихот!

Он много знает о себе, этот большой, усталый полководец, и еще он знает это —

Сегодня

надо

кастетом

кроить миру в черепе!

И потрясает кулаком

«Разрушу, разрушу!»

Я над всем, что сделано,
ставлю «nihil».

А потом хочет, чтоб —

тысячами рождались мои (его)

ученики

трубить с площадей анафему!

Анафема — старая, старая пошлость (...).

И нет у поэта ни восторгов, ни даже вопроса.

Все боль, и ушиб, и анафема. Стоит на тумбе, ручищами размахивает и ухает:

Бей! Круши на мою голову!

Кулаком! Кастетом по черепу!

Этакий, право, современный анархист!

И я уже было поверил тому, что — ну, разрушит все человек и начнет новое евангелие. И такое напишет, что даже удивительно будет. И благодарные слушатели назовут его АНАРХО-ФУТУРИСТОМ.

И благодарные читатели будут на память заучивать.

Однако поэт неожиданно заявляет:

Бросьте города, глупые люди!

Идите голые, лить на солнце пеке пьяные вина в меха-груды, дождь-поцелуй в угли-щеки.

Какой уж тут футуризм! Это знакомая нам звериная повадка:

В лес убежать,

Донага раздеться

И выть по-звериному...

И начать жизнь сначала, с пещеры, с каменного топора, с идола, с коммуны.

Будто сейчас ну никак **нельзя** идти дальше, **нельзя** подумать о Новом Грядущем, будто все старое, вся история человеческая от каменного века замкнулась в один круг. И этот круг — ошибка.

И нужно начать СНАЧАЛА.

Все это очень характерно для Маяковского. Он вдохновенный не поэт, а глашатай.

Он вдохновенный для улицы и народной толпы.

Он чеканит слова о Возрождении века каменного, эпохи первобытных коммун.

У него «обще-женщина».

А обще-женщина такова: Фабрика без дыма и без труб, Миллионами выделяющая

поцелуи...

Оттого-то в истерике женщины.

Сегодня девиз: «Все заново».

И он верен себе —

истребить все, «что чтили и чтут» —

Любовь.

Поэзию культа женщины.

Бога.

— Лейтмотив старой поэзии.

Правда, разрушая любовь, он ничего не говорит, что будет вместо нее. Отвергая бога, он не поклоняется новому.

Но опять-таки, я повторяю, это хороший очень (...) поэт.

Он не провидец будущего.

Он гениальнейший поэт хаоса, разрушения.

Он совершеннейший «тринадцатый апостол».

Но отчего так заворожил меня гениальный поэт Безвременья? Я долго не знал. И только однажды, когда я встретил поэта на Большой Проломной и не на перекрестке улиц, а в буржуазной гостиной и когда я услышал его, я понял. Он заворожил меня огромной своей силой, волей к разрушению, идеей физической силы.

Так привыкли мы к поэзии мажорной Северянина, к прекрасной Гиппиус, к прекрасным строчкам Зайцева, нам поистине удивительна огромная воля к жизни поэта после умирания, пустоты, отчаяния и непротivления.

Он гениален и одинок, ибо сейчас в искусстве два течения.

Все разрушено. Все изрезано ножом, кастетом и вдохновенными криками.

И вот медленной поступью, непостижимый в своем величии, приходит гений с черной бородой, с задумчивым профилем мудреца и начинает строить: «все заново». Камень к камню. Кирпич к кирпичу.

И собирается толпа. И смотрят, пораженные и восторженные.

А Маяковский снова кричит, но как-то спокойно, даже удивленно:

— Послушайте! А ведь через тысячу лет все же провалится! И больше ни слова (...).

Но мы ему не верим.

Мы не верим ему, ибо он поэт безвременья.

Михаил ЗОЩЕНКО

1919 год, июль

Публикуется впервые.

Знакомство человека с этим самым большим хищником на суше имеет давнюю историю. Его изображения обнаружены среди наскальных рисунков, сделанных 1500 лет назад на Чукотке. В японских рукописях упоминается о белом звере относится к 650 году. А новгородцы встретились с ним в XI веке, когда вышли на побережье Белого и Баренцева морей. У поморов до сих пор сохранилось старое название белого медведя: «ошкуй» или «ушкуй». Другие северные народы зовут его еще «полярным» или «ледовым» — за пристрастие бродить по арктическим льдам.

За последние четверть века белый медведь привлек пристальное внимание ученых. Им удалось подметить немало интересного в его образе жизни, но в наших знаниях об этом звере по-прежнему остается еще немало «белых пятен».

В первые белого медведя я увидела с воздуха, из иллюминатора самолета. Огромный зверь неуклюже бежал по заснеженному льду и на его фоне был вовсе не белый, а желтоватый. Он открывал пасть, повернув голову к самолетной тени. Мы летели низко — на спине властелина Арктики отчетливо выделялись темные цифры.

— И это дикий медведь? — спросила я у спутников. Они тоже были явно разочарованы: «Не знаем, кто-то его уже метил...»

Выяснить, для чего это делается, оказалось непросто. Я спрашивала об этом на Северной Земле, на Медвежьих островах, на каждой стоянке на побережье Северного Ледовитого океана — вплоть до мыса Шмидта на Чукотке. И только на Шмидте, в местной гостинице, мне подсказали: «Спросите у профессора из второго номера». Там я получила шуточный ответ: «Чтобы узнать, не бегают ли наши советские медведи в гости к канадским».

Так я познакомилась с доктором биологических наук Саввой Михайловичем Успенским. Он тогда с группой специалистов метил животных на острове Врангеля.

— А как же вы их все-таки метите? — поинтересовалась я.

— Главное — лишить зверя возможности двигаться! Поэтому мы стреляем летающим шприцем со снотворным. Впрочем, это давнее изобретение южноамериканских индейцев. Они первыми научились использовать на охоте растительный яд, способный на некоторое время усыпить животное и не при-

чинить ему в дальнейшем никакого вреда.

— А для человека это разве не опасно?

— У нас разработана надежная методика. Негромкий выстрел из карабина — и на щеке зверя появляется красное пятнышко крови.

Через несколько минут можно спокойно спускаться в берлогу. По заранее согласованному плану один измеряет медведицу (и медвежат, если они родились), другой в это время крупно несмываемой краской наносит на мех номер. Такой же номер и на сережке из нержавеющей стали, которую прикрепляют к уху зверя. На ней есть еще и надпись: «Сообща Москве». Точно так же метят медведей и наши коллеги в США, Канаде и Норвегии, только указывают, разумеется, свои адреса.

Сопоставляя полученные результаты, ученые установили, что их подопечные прекрасно ориентируются в высоких широтах. Белые медведи совершают большие переходы по арктическим льдам, но неизменно возвращаются в свои родные края.

— Но все-таки, наверно, у вас были и критические ситуации? — не унималась я.

— Пожалуй, была одна такая ситуация, но ее создали мы сами. Однажды с зоологом Александром Кишинским я обнаружил на горном склоне целый «медвежий городок». Он состоял из четырех жилых берлог, расстояние между ко-

торыми было не более 25 метров. Хозяек трех убежищ не было дома, а с четвертой нам удалось познакомиться довольно близко.

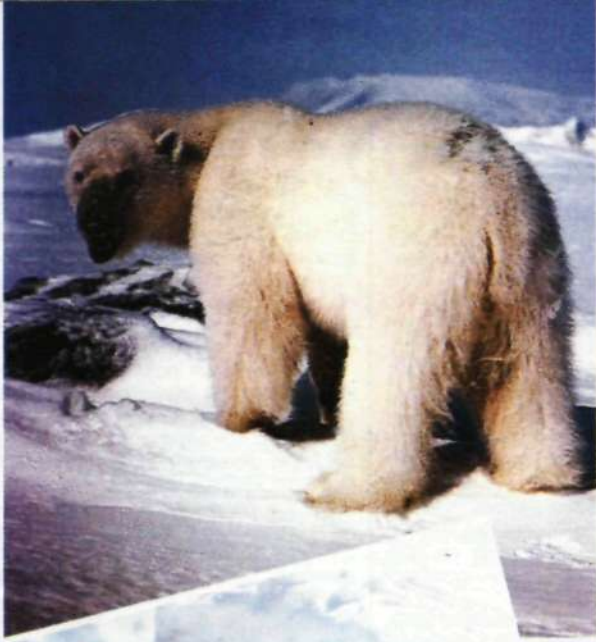
Медведица показалась из узкого лаза и, вытягивая свою и без того длинную шею, стала присматриваться к пришельцам. Три черные точки среди ярко-желтого меха (глаза и нос) то опускались, то поднимались. Мы усыпили ее летающим шприцем, но только начали свои замеры, как в берлогу просунулась голова еще одной медведицы. Оказалось, «квартира» соединялась лазом с еще одной берлогой. Немалого труда нам стоило усыпить нежданную соседку.

Со времени первой встречи с профессором С. М. Успенским прошло двадцать лет. Много любопытных вещей узнала я за эти годы о медведях. Например, о том, как охотится это умное животное: прикроет черный нос лапой-веслом, встанет за торос и двигает его потихоньку к тюленю, который нежится на краю лунки. Услышав шорох, тот головой крутит, но медведь не шелохнется. Ждет, когда тюлень успокоится, бдительность потеряет, и снова шажок вместе с ледяной глыбой. Часами порой подползает к добыче хитрюга.

В берлоге белой медведицы есть порог или ступенька, которая не дает вытекать наружу теплоте воздуха и не позволяет врываться внутрь воздуха холодному. Благодаря этому в берлоге всегда температура выше нуля. Об интересных особенностях в жизни белого медведя рассказывает биолог, профессор С. М. Успенский на четвертой звуковой странице.

Фото Е. АРБУЗОВА и Г. КОПОСОВА

Полярники рассказывали мне, как однажды медведь украл на их станции ящик со сгущенкой. Ударом лапы он легко сплющил банку, но не добыл сладкую пищу. Тогда зверь сбросил банку на острые камни со скалы и расколот ее.

Белый медведь — один из самых совершенных представителей фауны Арктики. Его изучение позволяет раскрыть пути и формы приспособления живого организма к обитанию «на пределе жизни» в экстремальных условиях, какие существуют в арктических пустынях. Обособившись от общего с бурым медведем предка, полярный зверь приобрел многие специфиче-

ские особенности, соответствующие обитанию в студеном океане.

Он научился преодолевать значительные водные пространства, став прекрасным ныряльщиком и пловцом. Для жизни в открытом море существенно и то, что удельный вес зверя близок к удельному весу воды. Совершенный механизм терморегуляции позволяет ему в ледяной воде плыть долго, не очень-то тратя энергию. Устанавливается своеобразное тепловое равновесие со средой. Ученые выяснили, что медвежий мех недостаточно густой, и вода проникает сквозь него. Значит, адаптация животного к низким температурам основана на иных физиологических и биохимических приспособлениях.

Удивительна также способность белого медведя видеть как днем, так и ночью, на земле и под водой. А сила этого зверя общеизвестна. Он, например, в состоянии поднять вверх по склону горы тушу моржа весом свыше полутонны.

Без пищи белый медведь может обходиться несколько месяцев. Справляться с длительными голодовками ему помогают и большой объем желудка, вмещающий до 70 кг пищи, и способность при необходимости в любое время года залегать в спячку. Он быстро накапливает жир и очень экономно его расходует. А это значит, выражаясь техническим языком, что организм белого медведя обладает очень высоким КПД.

Еще недавно судьба полярного зверя вызывала тревогу. Однако теперь его популяция заметно расширилась. Сказались и длительный запрет охоты на белого медведя в СССР, и заключение в 1975 году международного соглашения о его охране.

Но возникла новая проблема: взаимоотношения медведя с человеком в связи с быстрым освоением Арктики. Он потерял настороженность, стал заглядывать в поселки и зимовья людей. Кое-кто пытается даже завязать с ним «дружбу», предлагает ему угощение. Такому бладушию способствуют фильмы и публикации, изображающие зверя безобидным уральцем. Людская «доброта», к сожалению, нередко оборачивается «медвежьей услугой». Хозяин Арктики, научившись жить «за чужой счет», становится опаснейшим попрошайкой. В нем притупляется охотничий инстинкт, но ярость и силу свою медведь не утрачивает. И как этот хищник поведет себя при встрече с прикормившими его людьми — всякий раз загадка.

Людмила ШВЕЦОВА,
почетный полярник СССР

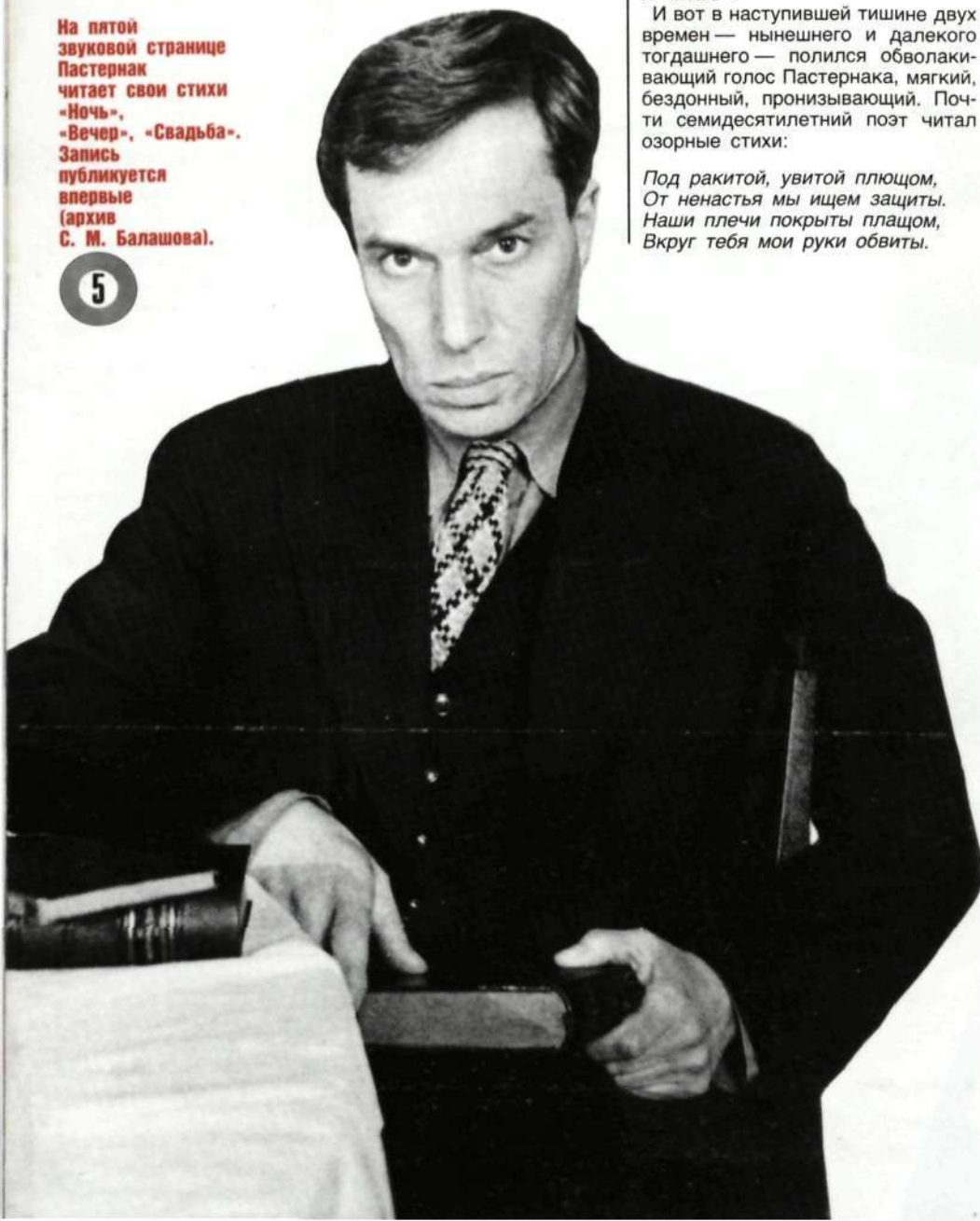
ХОЗЯИН СТУДЕННЫХ МОРЕЙ

природа и мы

СИЛУ ЗЛОБЫ ОДОЛЕЕТ ДУХ ДОБРА...

На пятой
звуковой странице
Пастернак
читает свои стихи
«Ночь»,
«Вечер», «Свадьба».
Запись
публикуется
впервые
(архив
С. М. Балашова).

5

В пору создания литературной композиции «Жить, думать, чувствовать, любить», когда мы были «больны» Пастернаком, народный артист РСФСР Сергей Балашов звонил и звал: «Приезжайте послушать самого Пастернака. Он читал у меня свои стихи». И вот с магнитофонной ленты звучит далекое застолье: незнакомые голоса, смех, звон вилок и ножей...

— А который Пастернак? — шепчу Сергею Михайловичу.

— Сейчас, сейчас, — успокаивает он. — Слышите, кто-то из гостей просит поэта почитать свои стихи.

Артист гордился магнитофонными записями Пастернака. Поэт, зная об этом, шутил: «Знаете, почему я так много читаю в этом доме? Балашов — очень хитрый человек. Он никогда меня не просит, а когда меня не просят — я читаю».

И вот в наступившей тишине двух времен — нынешнего и далекого тогдашнего — полился обволакивающий голос Пастернака, мягкий, бездонный, пронизывающий. Почти семидесятилетний поэт читал озорные стихи:

*Под ракушкой, увитой плющом,
От ненастья мы ищем защиты.
Наши плечи покрыты плащом,
Вкруг тебя мои руки обвиты.*

*Я ошибся, кусты этих чащ
Не плющом перевиты, а хмелем.
Ну, так лучше давай этот плащ
В ширину под собою расстелим.*

Он был еще весел и беззаботен, как подросток, был душой застолья, запалом всех мыслей, рождавшихся в общей беседе, с любовью говорил о поэзии и поэтах, об искусстве и артистах. Ничто еще не предвещало беды, «видения гробового».

Бедой начнется позже, с появлением «Доктора Живаго». Закончив работу над романом, Борис Леонидович (по свидетельству С. М. Балашова) раздал 28 экземпляров будущей книги в машинописном варианте в редакции журналов, своим родным, близким, друзьям и в силу доверчивого характера не записал, кому он их отдал. Балашов получил из рук поэта экземпляр под № 8. После прочтения романа автору вернули не 28, а только 26 экземпляров. Два экземпляра исчезли, и он не смог вспомнить, кто же не вернул. Только доверчивостью автора, желанием увидеть «Доктора Живаго» напечатанным можно объяснить то, что роман оказался в руках итальянского издателя.

Были предприняты энергичные меры для возвращения пастернаковской рукописи. Алексей Сурков, один из руководителей Союза писателей, выезжал в Италию, встречался с издателем. Увы, безуспешно. Слишком был велик соблазн для коммерсанта, чтобы отказать от обещавшего большие доходы бизнеса. Роман был опубликован и вскоре переведен на 24 языка. А у нас книгу изъяли из типографии.

О том, как начиналась травля поэта, как его исключили из Союза писателей СССР, кто приложил к этому руку, сказано уже немало. Кто из друзей оказался низок и труслив, а кто с присущей издавна истинным русским интеллигентам душевной отвагой поддерживал опального поэта, под чьим давлением он отказался от Нобелевской премии, — история еще скажет свое слово.

Пастернак ходил подавленным. Донимали не только хвори и недуги. Мучила угроза «выдворения из Советского Союза». Покинуть любимую Родину — такого он не мог себе представить. И только после его письма Н. С. Хрущеву самое страшное вроде бы осталось позади.

Уместно вспомнить, как в 1912 году, когда он изучал в Германии философию под руководством профессора Германа Когена, одного из вдохновителей неокантианской школы философии в Марбурге, Пастернаку предложили дожидаться экзамена на доктора, сдать его и обосноваться на Западе. Перед «красивым 22-лет-

ним» Пастернаком не было проблемы выбора. Он порывает с философией и Германией, остается верен поэзии и России. «Боже,—воскликнул юноша Пастернак,—у меня голова кружится от счастья. Я вернусь на Родину, и эта Родина — Россия!»

*И я б хотел, чтоб после смерти,
Как мы замкнемся и уйдем,—
Тесней, чем сердце и предсердье
Зарифмовали б нас вдвоем.*

О последнем периоде жизни Бориса Леонидовича нельзя слушать без волнения. Мария Павловна, супруга Балашова, как-то встретила поэта во дворе дома в Лаврушинском и ужаснулась. Поэт был изможденным, обескураженным.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она с тревогой.

Он не улыбнулся:

— Как может себя чувствовать человек, по чьей груди прошла автоматная очередь...

Хорошили Пастернака 2 июня 1960 года. Цвели вишни... На Киевском вокзале на стенах хлебным макишем приклеены листки, которые сообщали, что скончался великий поэт России Борис Леонидович Пастернак и что гражданская панихида будет происходить сегодня в 12 часов дня в Переделькине.

Незадолго до смерти, в горькие минуты предельного отчаяния, поэт написал стихотворение «Нобелевская премия». Долгие годы оно не печаталось.

НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ

*Я пропал, как зверь в загоне.
Где-то люди, воля, свет,
А за мною шум погони —
Мне наружу ходу нет.*

*Темный лес и берег пруда,
Ели сваленной бревно.
Путь отрезан отовсюду.
Будь что будет, все равно.*

*Что же сделал я за пакость,
Я убийца и злодей?
Я весь мир заставил плакать
Над красой земли моей.*

*Но и так, почти у гроба,
Верю я, придет пора —
Силу подлости и злобы
Одолееет дух добра.*

*Все тесней кольцо облавы...
И другому я виной:
Нет руки со мною правой,
Друга сердца нет со мной!*

*А с такой петлей у горла
Я б хотел еще пока,
Чтобы слезы мне утерла
Правая моя рука.*

Вот какие воспоминания навеяла старая магнитофонная запись. ■

Георгий БАЛЫАН

У каждого времени свои любимые песни, свои певцы. Для меня и многих моих сверстников кумиром был и останется Георгий Павлович Виноградов. То же самое могли бы, наверное, сказать наши отцы и матери: популярность этого певца в предвоенные, военные и первые послевоенные годы была необыкновенной. Он был первым исполнителем многих произведений Дунаевского, Блантера, Мокроусова, Милютина. Первозданную чистоту, проникновенность вернул голос Виноградова записанным им на радио и грампластинки русским народным песням, старинным романсам... В нынешнем году Г. П. Виноградову исполнилось бы 80 лет. Родился он 16 ноября 1908 года в Казани. В восемь лет по настоянию отца начал петь в церковном хоре. Потом были гимназия, курсы телеграфистов, рабфак и одновременно учеба в музыкальном техникуме Казани по классу скрипки, альтя.

После рабфака Виноградов уезжает в Москву и поступает в Военную академию связи. Все шло своим чередом, пока однажды, по счастливой случайности, его пение не услышал концертмейстер Большого театра. «Не знаю, юноша, получится ли из вас военный инженер», — сказал он, — а вот неплохой певец, если серьезно заниматься, выйдешь наверняка».

Командование академии пошло навстречу — просьба Виноградова об увольнении из рядов Красной Армии была удовлетворена, и он поступил в оперную студию при Московской консерватории, в класс М. Л. Львова. «Большой мастер, сам замечательный певец, а какой учитель!» — с благодарностью вспоминал о нем Виноградов. Под его руководством он успешно подготовился к участию в Первом Всесоюзном конкурсе вокалистов (декабрь 1938 — январь 1939 г.) и стал одним из лауреатов.

И все-таки славу и широкое признание принесло Виноградову не исполнение оперных арий и произведений камерно-вокального жанра, а участие в программах созданного в конце 30-х годов Государственного джаз-оркестра Союза ССР, куда он был приглашен солистом. Именно тогда вышла пластинка с напетыми им танго Е. Розенфельда «Люблю» и «Счастье мое». Они были в ту пору столь популярны, что теперь служат своеобразной приметой, музыкальным знаком тех лет.

В годы Великой Отечественной войны в составе фронтовой бригады Общественного оркестра Наркомата обороны, куда вошел почти весь Государственный джаз под управлением Виктора Кнушевицкого и несколько солистов, Виноградов выступал на передовой. Западный, Брянский, Волховский фронты, концерты в осажденном Ленинграде, где Георгий Виноградов выступал вместе с Лидией Руслановой и Михаилом Гаркави, являясь уже солистом Краснознаменного ансамбля. В ту пору им напеты на пластинки, зазвучали в концертах и по радио «В лесу прифронтовом», «Два Максима», «Уралочка», «На полянке», «Соловьи»...

Восемь лет интенсивной и плодотворной работы связано у Георгия Павловича с Краснознаменным ансамблем песни и пляски Советской Армии. Именно к этому времени от-

носятся фотоснимок и дружеский шарж на певца, любезно предоставленные нам его другом и однофамильцем, заслуженным артистом РСФСР, профессором Московской консерватории К. Л. Виноградовым.

— В обиходе талантливых солистов-александровцев Георгий Павлович Виноградов, вне всякого сомнения, был выдающейся и самой яркой фигурой, — вспоминает он. — Не красавец и даже неказистый с виду (именно это я и попытался когда-то выразить в своем шарже), он преображался на сцене. Голос его — это ведь сама чистота, прелесть и совершенство. Никаких ложной бравады и пафоса, разного рода дешевых эффектов, столь характерных для нынешней эстрады, Виноградову не требовалось, потому что сама Музыка во всем ее благородстве говорила его голосом.

В начале 50-х годов, на которые пришелся, можно сказать, пик творческого взлета певца, имя Виноградова внезапно исчезло с концертных афиш. Перестали звучать его записи, выпускаться пластинки. Георгию Павловичу было запрещено выступать в 33 городах Советского Союза. Почему-то именно в 33 — ни больше ни меньше. Фактически же запрет этот действовал повсеместно. Он был лишен звания заслуженного артиста республики.

Сегодня такого рода фактами биографии выдающихся представите-

Я ВАС
ПО-
ПРЕЖНЕМУ
ЛЮБЛЮ

лей нашего искусства, относящихся к печально известному периоду, вряд ли кого удивит. Туман, сплетни и глухая завеса умолчания вокруг имени Виноградова рассеялись лишь к середине 70-х годов. А он все это время преподавал во Всероссийской творческой мастерской эстрадного искусства, был режиссером вокального отделения.

Ученики Георгия Павловича продолжают дело своего учителя. А миллионы почитателей его таланта хранят в своем сердце добрую память и признательность любимому певцу, голос которого ни с чьим не спутаешь.

Юрий БИРЮКОВ

На фото (слева направо):
К. Виноградов,
Г. Балашов, К. Игумнов,
Г. Виноградов, А. Югов
на «четверге»
в «Комсомольской правде»
11 апреля 1946 года.

На девятой
звуковой
странице
слушайте
танго «Люблю»
(Е. Розенфельд,
Н. Венгерская)
и «Счастье мое»
(Е. Розенфельд,
Г. Намлегин).

МАСТЕР
СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА

Первый всесоюзный фестиваль польской песни в Витебске, на мой взгляд, открылся лет на десять позже, чем полагалось бы. Ведь фестивали советской песни в Зелена-Гуре (кстати, побратима города на Западной Двине) проходят уже 24 года. И то, что фестиваль состоялся и вызвал большой интерес, является подтверждением нашей любви к польской песне.

Витебск — город с древней культурой, ему более тысячи лет. Многие знают, что здесь родился Марк Шагал, писал свои загадочные полотна Малевич, но мало кому известно, что на Витебщине жил и творил знаменитый польский композитор Огиньский. И замечательно, что под синим небосклоном Витебска, города с самобытными культурными традициями, состоялся настоящий праздник. Прекрасный летний амфитеатр «Форум», который построили буквально за полгода, вместил лишь 30 тысяч любителей польской песни, а заявок на концерты было

На десятой звуковой страничке лауреаты Всесоюзного фестиваля польской песни Валерий Скороженок (2-я премия) и Джемма Халид (1-я премия) исполняют песни «Когда придет весна» и «Марш одиноких женщин».

НАДЕЮСЬ,
ПРАЗДНИК
ПОВТОРИТСЯ

подано в шесть раз больше. Люди, не попавшие в «Форум», смотрели концерты со склонов близлежащих холмов.

Секретарь ЦК ПОРП Анджей Василевский сказал, что Витебский фестиваль — пример массового сближения наших культур, пример новых форм и контактов.

Гала-концерты мастеров польской и советской песни, конкурсные выступления транслировали белорусское, польское и Центральное телевидение, передачи шли по каналам «Интервидения». Два замечательных оркестра — «Алекс-бэнд» под руководством Александра Малишевского и Государственный концертный оркестр

На фото А. ЛИДОВА: лауреаты Первого фестиваля польской песни в Витебске Джемма Халид и Валерий Скороженок.

ФЕСТИВАЛИ, КОНКУРСЫ...

Белорусской ССР под руководством Михаила Финберга — сопровождали все выступления. Оркестр Финберга проделал огромную работу, музыканты просто не уходили из театра с утра до ночи. Этот фестиваль, мне кажется, может соперничать с любым подобным конкурсом в нашей стране. Подтверждение тому — самые горячие симпатии зрителей.

Чем же вызван такой энтузиазм? Во-первых, большинство самодеятельных конкурсантов сразу вышли на такой профессиональный уровень, которому могут позавидовать сочинский, ялтинский и даже, пусть меня простит Раймонд Паулс, юрмальский фестивали. Это был настоящий старт европейского праздника песни.

Были и проблемы, которые мне как члену жюри были особенно заметны. Главная — разножанровость. Выступали солисты, ВИА, группы — исполнители фольклора и, наконец, рок-группы. Совместимо ли это в одном конкурсе? Приходилось сравнивать несравнимое. И все же, несмотря на жанровую эклектику, нашлись певцы и группы, которые выделялись своим мастерством.

Хочу отметить лауреата 1-й премии Джемму Халид. Я с надеждой угадываю в ней будущую звезду нашей эстрады. Обладая оригинальным голосом, она никому не подражает, очень своеобразна, эмоциональна. В ней чувствуется человек и актриса.

Молодые всегда нуждаются в помощи. Для того чтобы судьба артиста состоялась, нужны прежде всего импресарио. Их нет в нашей стране. Поэтому лауреатам придется бороться за самих себя, стучаться в двери телевидения и радио, в двери фирмы «Мелодия», чтобы записываться, сниматься. Это суровая борьба.

Каждому из победителей фестиваля — и Скорожонку, певцу из Гродно, и группам «Орфей», «Дельта», «Караван», и обаятельной певице из Молдавии Пономаренко, и Афанасьевой из Белоруссии, и Захаровой из Калининграда — желаю, чтобы рядом с ними оказались люди, которые бы помогли им ярко проявить творческую индивидуальность, обогатиться репертуаром, появиться в телевизионном и радиоэфире. Только тогда их имена станут известными.

Витебский фестиваль помогает познать культуру и душу братского польского народа. Раскрывает потенциальные возможности наших исполнителей, ряды которых через год, когда, я надеюсь, повторится этот великолепный праздник, конечно же, пополнятся новыми именами.

Эдита ПЬЕХА,
народная артистка РСФСР

Проходившие в Москве гастроль британской рок-группы «Статус Кво» — событие незаурядное. Хотя бы уже потому, что ансамбль является в полном смысле слова ветераном жанра — во время гастролей в СССР группа отметила свой четвертьвековой юбилей. И еще потому, что «Статус Кво» — ансамбль, переживающий сейчас второе рождение, новый взлет успеха. Этим он отличается от гастролеров прошлых лет, которые к приезду в СССР если и не считались «вышедшими в тираж», то, уж во всяком случае, находились на спаде своей популярности.

Музыкальная критика всегда была сурова к «Статус Кво». Лично мне не удалось найти ни в прессе, ни в специальных справочниках однозначно положительных отзывов о творчестве группы. Негативных же оценок — хоть отбавляй («Жалкое, убогое зрелище», — писал, например, американский журнал «Роллинг стоун»). Серьезным критикам претит тот стиль, что стал основой исполнительской манеры, своего рода визитной карточкой группы — сплав ярко выраженных элементов шлягера (незатейливая, предельно упрощенная, легко запоминающаяся мелодия) с буги-вуги и настоящим роком, подчас довольно жестким. Зато этот стиль (я назвал бы его — да простится мне некоторая языковая неуклюжесть — «облегченным тяжелым роком») снискал ансамблю популярность у широкого круга слушателей, не изменяющих своему пристрастию вот уже третье десятилетие.

«Статус Кво» не избегал общей участи должностителей в мире рока — чехарды с составом. Лишь основатель группы Фрэнсис Росси (в те далекие времена именовавшийся Майком Росси) да примкнувший к ансамблю спустя четыре года Рик Парфитт — оба они поют и играют на гитаре — по-прежнему на сцене. Вначале группа была безымянной и состояла из трех музыкантов — помимо Росси, в нее входили бас-гитарист Алан Ланкастер и ударник Джон Коулэн. Затем состав расширился до четырех человек (пришел клавишник Рой Лайнс), и ансамбль обрел название «Спектр», которое вскоре было изменено на «Трэфик Джэм», а затем — чтобы не путали с группой «Трэфик» Стива Уинвуда — на «Статус Кво».

Обретение собственной неповторимой манеры и связанный с этим рост популярности относятся к началу семидесятых годов. А затем начинается обычная жизнь преуспевающей рок-группы: концерты, гастрольные туры, выступления на фестивалях и, конечно, новые альбомы. К своему двадцатилетнему юбилею группа пришла, имея 15 дисков. Правда, последний из них был записан уже без участия Ланкастера и Коулэна, покинувших ансамбль. Не найдя им равноценной замены, группа «Статус Кво» дала триумфальный прощальный концерт, который почтили своим присутствием английская королева и наследный принц Чарльз, и объявила о своем роспуске.

Под тем же названием, но в обновленном составе ансамбль сно-

ва собрался в 1986 году. Помимо ветеранов Росси и Парфитта в него вошли клавишник Энди Баун, время от времени сотрудничавший с группой и раньше, ударник Джефф Рич и басист Джон Эдвардс. Именно этот состав мы и увидели на гастролях в Москве.

Ансамбль привез программу, состоящую из самых своих популярных хитов. Энергия, с которой выступают музыканты на сцене, просто поражает. Нельзя не сказать и о том, что группа не пользуется никакими специальными эффектами вроде дымов и прочей пиротехники, добываясь воодушевления публики исключительно молодым (даже у ветеранов) задором и высочайшим профессионализмом. Живое звучание ансамбля на сцене практически не отличается от студийных записей — достичь этого невероятно трудно.

Конечно, музыка «Статус Кво» — не самая сложная, утонченная и изысканная. Шлягерные интонации порой заставляют вспомнить деревенские частушки, а аранжировки большинства песен, начинаясь каким-либо эффектным ходом, не имеют, как правило, достойного продолжения и потому выглядят несколько монотонно. Но в целом веселая, задорная музыка ансамбля и профессионализм его участников производят самое благоприятное впечатление. ■

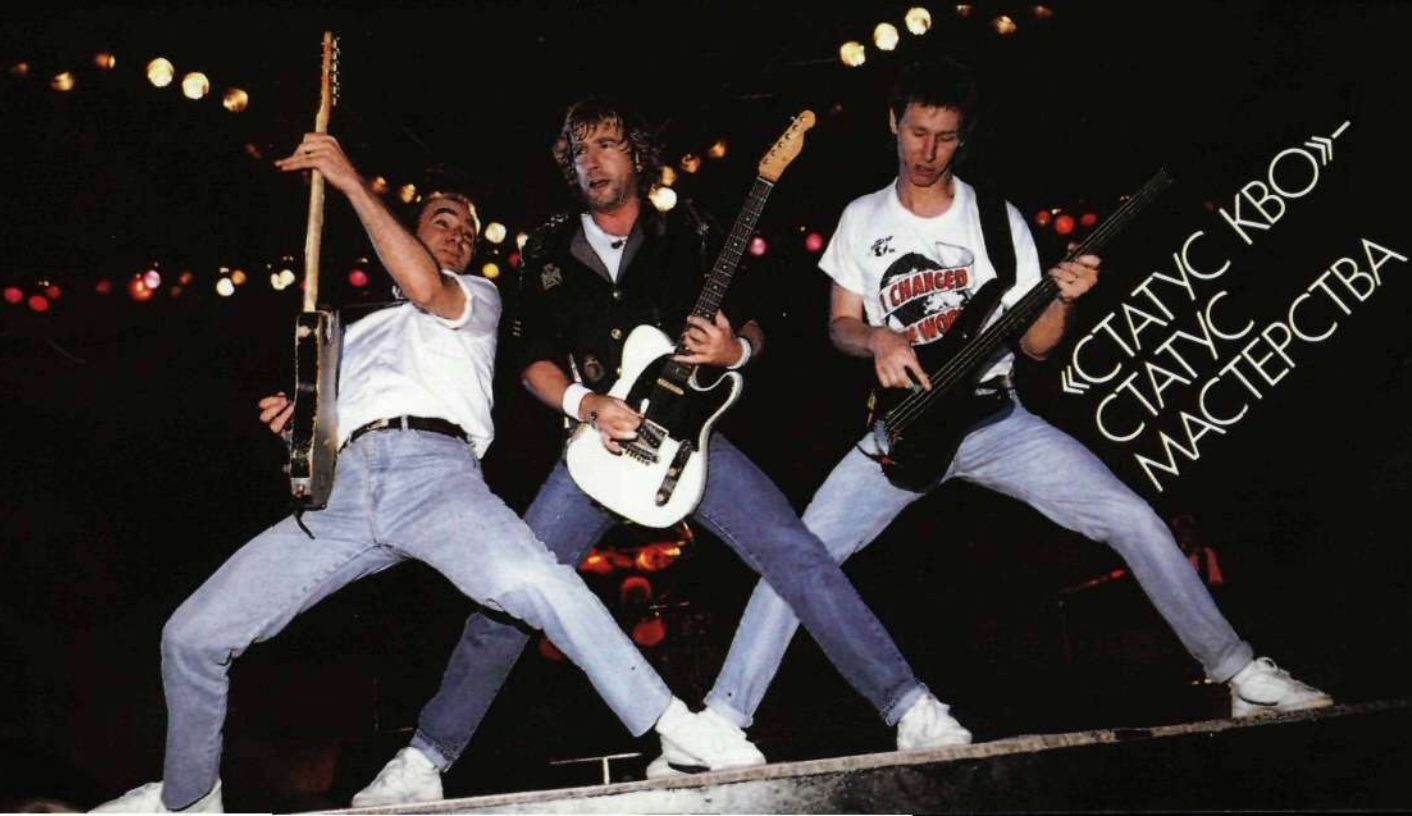
Владимир ФРАДКИН

Фото А. ЛИДОВА

ГОСТИ МОСКВЫ

На одиннадцатой звуковой странице в исполнении группы «Статус Кво» слушайте фрагменты композиций «Красное небо» (Джон Дэвид) и «Ты теперь в армии» (братья Болланд).

«СТАТУС КВО» — СТАТУС МАСТЕРСТВА

Начало
на стр. 5.

будущему следовательно поворачивает против него, Рубашова, предлагая ему принести партии последнюю пользу — показать, «в какое преступное болото заводит человека антипартийная деятельность». Рубашов выполняет это последнее партийное задание — вызывает на публичном процессе «ярость масс», гнев и презрение народа к самому себе.

Кестлер в 1938 году пишет книгу о жертвах политических процессов того трагического времени.

Два других писателя — О. Хаксли и Д. Оруэлл, — книги которых впервые приходят к русскому читателю, конструируют общество будущего. Нелишне сказать, что с публикацией романов этих авторов извлекается для нас из небытия целая плодоносящая ветвь литературы, влияние которой на общественные идеалы XX века чрезвычайно велико. Я говорю об антиутопии.

Русской литературе и тут можно гордиться своим лидерством.

В 1919 году, когда Льюис Мамфорд заканчивал в Лондоне свой фундаментальный труд «История утопий», с нескрываемым благожелательством составляя список рецептов, предназначенных для облагораживания человечества, Евгений Замiatин в Петрограде, в пору военного коммунизма, пишет роман «Мы», где те же самые благодетельные идеи были доведены до своего логического конца, превратив жизнь людей в благополучный, сытый, бездушный и регламентированный кошмар.

Замiatин был затравлен рапповской * критикой и уехал, отпущенный Сталиным, за границу, идеи же его были подхвачены и развиты во многих антиутопиях зарубежных авторов, и прежде всего в двух, наиболее нашумевших за рубежом — «О, дивный новый мир» Хаксли, которую напечатал недавно журнал «Иностранная литература» (1988, № 4), и романе Оруэлла «1984», объявленном к публикации «Новым миром».

* РАПП — Российская ассоциация пролетарских писателей (1925—1932 гг.).

Художественный мир Хаксли с первого взгляда совершенно не похож на тот, что сотворил Оруэлл. Мир Хаксли — это распространение, перенос в будущее безудержных технических триумфов 20—30-х годов. Мир Оруэлла проецирует в будущее сороковые годы с их атмосферой ненависти, войны, жестокостей, идеологической розни. Мир Хаксли — это эра безбрежного материального благополучия и духовной недостаточности, мир Оруэлла — эра величайшей нищеты, продуктовых пайков и отсутствия бытовых удобств.

В романе Хаксли работника предпочитают стимулировать и поощрять, благо заранее запрограммированные, нехитрые его инстинкты поддаются планомерному удовлетворению. В мире Оруэлла за плохую работу угрожают концентрационным лагерем или «исчезновением». Хаксли нестандартно мыслящих всего-навсего изолирует от общества. Оруэлл их уничтожает не только физически, но и духовно, заставляя, ломая волю и интеллект, перед смертью проникнуться восхищением перед мудростью и справедливостью повелителя.

И все же эти два мира схожи, ибо они, хотя и каждый по-своему, утверждают, что личность должна подчиняться коллективу и в этом подчинении обрести подлинное счастье.

Что ж, мы имеем основания надеяться и сказать, что для нас уже в прошлом Океания Оруэлла, общество контролируемого безумия, с его двухминутками ненависти, портретами Большого Брата, глядящими с каждой стены, Министерством Мира, занимающимся войной, и Министерством Правды, распространяющим дезинформацию, с организованными спонтанными демонстрациями трудящихся, благодарящими правительство за повышение рациона шоколада (в то время, как он снижен).

Читателям, особенно молодым, познакоившимся с этими произведениями, станет отравительна сама мысль как о сытом, но бездуховном обществе Хаксли, мало оставляющем простора для самостоятельной личности, так и об Океании Оруэлла, подавляющей ее.

Алла ЛАТЫНИНА

11 (296)
ноябрь
1988 г.
Год
основания
1964

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЗВУКОВОЙ
ЖУРНАЛ

© ИЗДАТЕЛЬ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
КОМИТЕТ СССР
ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ
И РАДИОВЕЩАНИЮ
1988 г.

На первой
странице
обложки
«Ленинград-
Зимний дворец».
Фото
К. Рошковского

Звуковые
страницы
изготовлены
Всесоюзной
студией грамзаписи
фирмы
«Мелодия»
и Государственным
Домом
радиовещания
и звукозаписи.

Сдано в набор
14.09.88.
Подп. к печ. 22.09.88.
Б 04019.
Формат 84 × 108¹/₁₆.
Офсетная печать.
Усл. п. л. 1,68.
Уч.-изд. л. 3,50.
Усл. кр.-отт. 6,30.
Тираж 255 000 экз.
Зак. 3086.
Цена 1р. 50к.

Ордена Ленина
и ордена
Октябрьской
Революции
типография
имени В. И. Ленина
издательства
ЦК КПСС «Правда».
125865, ГСП,
Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.

Адрес редакции:
113326, Москва,
Пятницкая, 25,
«Кругозор».
☎ Телефон редакции:
241-67-67.

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

Технический
редактор
Л. Е. Петрова

Копна выходящих «мелким бесом» волос, немного насмешливое лицо с добрыми глазами и веселыми веснушками на носу... 24-летний пианист-импровизатор Леонид Пташко — современный молодой человек, ярко, по спортивной моде одетый, пользующийся успехом у девушек... А за роялем это совершенно другой человек — серьезный, вдумчивый, романтический, иногда даже трагичный...

Леонид ПТАШКО — открытие прошлого сезона. Он получил II премию на международном конкурсе джазовых пианистов в Польше. Музыкальные критики и многочисленные поклонники джаза прочат ему большое будущее. С этого и начался наш разговор.

— А почему бы и нет? Вы знаете, я считаю себя волевым человеком. Сознаю, что ступил на тернистую дорогу артиста. Впрочем, мне еще нужно подтвердить свое право на это высокое звание — АРТИСТА, доказать свою правоту. Говорят, что я молод. А я считаю, что 24 года — это тот самый возраст, когда уже пора ответственно думать о жизни, о людях, об этом мире — сложном, противоречивом, но таком прекрасном.

— С чего началось ваше увлечение музыкой, джазом?

— Как ни странно, в моих серьезных занятиях музыкой большую роль сыграла бабушка, которая всячески способствовала этому. Что же касается моих родителей, то они не очень-то поощряли мое увлечение. Они не музыканты. Мама — преподаватель русского языка и литературы. Отец работает в авиационной промышленности. Правда, именно к джазу меня невольно приобщил отец. Однажды, когда я учился во втором классе музыкальной школы, он принес пластинку — известный дуэт Ока-

Конкурс «Вокруг звука» продолжается...

Рисунки В. ХОЗИНА (Москва)
и А. ПЯТКОВА (Свердловск).

ВТОРАЯ
СТРАСТЬ
ЛЕОНИДА
ПТАШКО

ЗНАКОМСТВА

ра Питерсона и Диззи Гиллеспи. Я ее послушал. Не зная тогда, что это за музыка, я почувствовал в ее звучании свободу, раскованность, словно это была импровизация. Я начал покупать все джазовые диски, я упивался джазом. Не могу сказать, что находил понимание у педагогов в училище. На занятиях исполнял классическую музыку, но, как только педагог хоть на минуту выходил из класса, начинал играть джаз. Попытка убедить учителей, что одно не мешает другому, что джазовому музыканту необходима серьезная академическая подготовка, но... тщетно. Однако проявил настойчивость и до поры до времени постигал «азы» джаза самостоятельно.

— До поры до времени... Стало быть, теперь вы получили и помощь, и поддержку?

— Помощь ко мне пришла в лице Игоря Михайловича Бриля — известного композитора и пианиста. Я считаю его романтиком джаза. У нас с ним доверительные, дружеские отношения. Я занимаюсь у Бриля на эстрадно-джазовом отделении московского института имени Гнесиных. Но наши занятия — не совсем обычные уроки. Иногда мы просто можем часами говорить, спорить о музыке, и я многое

получаю для себя. Рождаются новые замыслы...

— Какие, например?

— Ну, скажем, я очень люблю художников — абстракционистов. Моя музыка ведь тоже своего рода романтическая абстракция. И у меня есть замысел дать цикл концертов, в которых под впечатлением моей музыки художник прямо на сцене писал бы картины...

— А если наоборот? Под впечатлением от картины рождалась бы ваша музыка?

— Возможна и обратная связь. Но это все мечты. А пока я даю сольные концерты.

— Я знаю, что вы не только играете, но иногда и поете. Помоему, получается совсем неплохо. Может быть, со временем рискнете появиться и как джазовый певец?

— Разве что в весьма отдаленном будущем. А если говорить серьезно, то у меня есть цель, и я знаю, как к ней идти. Эта цель — моя музыка, моя публика, без которых я себя не представляю.

Беседу вела М. Скалкина.

На седьмой звуковой странице слушайте в исполнении Леонида Пташко пьесы «Блюзовая прогулка» (Л. Пташко) и «Туманно» (З. Гарнер).

Фото А. ЛИДОВА

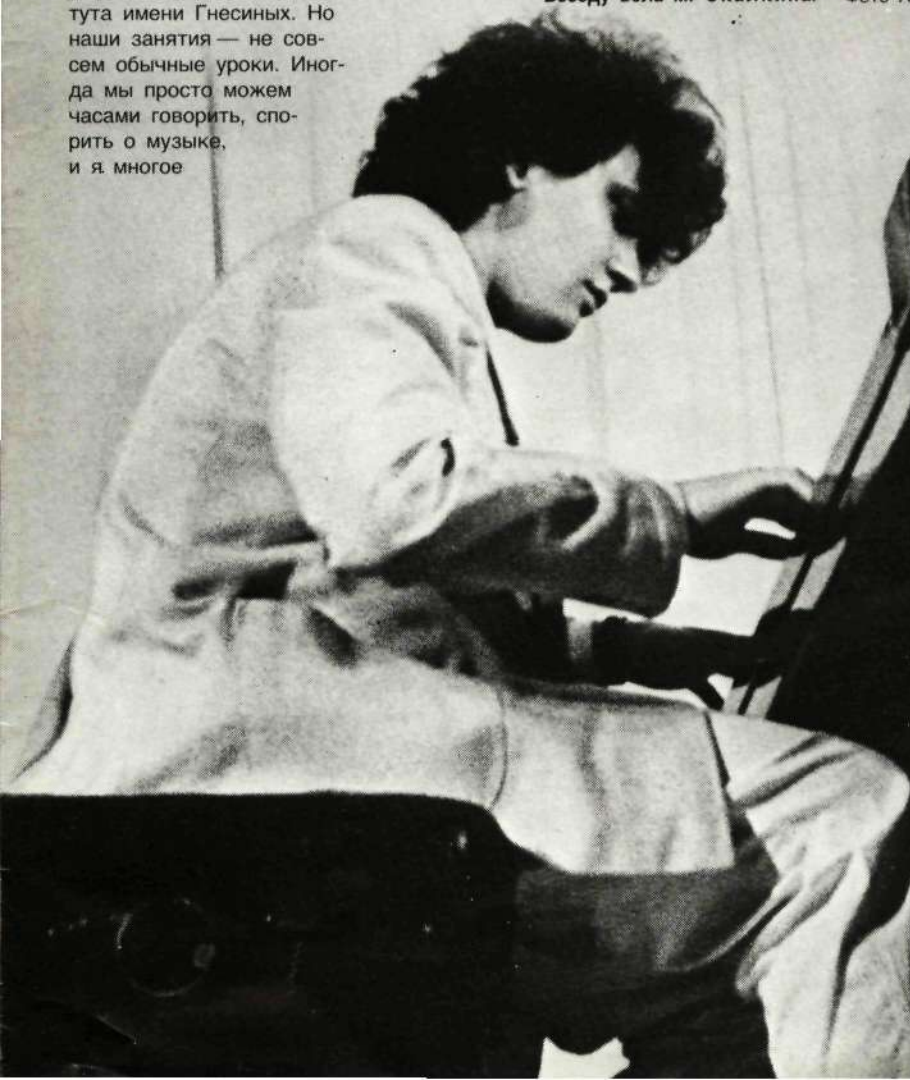
ЖАННА АГУЗАРОВА — МОСКОВСКИЙ ГАВРОШ

Она была похожа на угловатого подростка, стесняющегося своей неловкости, а потому дерзкого. И напоминала героиню популярного комедийного фильма «Петер», которая в силу разных забавных обстоятельств была вынуждена переодеться в мужское платье. Недаром участникам ансамбля «Браво» пришла в голову мысль дать своей новой солистке мужской псевдоним — Андерс. Но от этой идеи пришлось отказаться, потому что Жанна Агузарова могла быть только самой собой — и в жизни, и на сцене.

Самое удивительное — она, исполняющая стилизованные песенки 50—60-х годов, оказалась ближе и понятнее своим сверстникам, чем любая рок-звезда с наимоднейшими шлягерами. Жанна не пытается за словесной шелухой скрыть истинные чувства и мысли. Она не рвется на эстрадный Олимп. Отказалась от весьма лестного предложения выступить на фестивале в Юрмале, потому что считала — важнее (благо есть студия) поработать над новыми песнями, записать пластинку.

Порой Жанну Агузарову обвиняют в стремлении эпатировать публику своим внешним обликом. Но эти упреки не новы — все, что непривычно, оригинально, у обывателя всегда вызывает отрицательную реакцию, так как нарушает его душевный покой, представление о том, «как надо». Достаточно вспомнить резкие слова в адрес Аллы Пугачевой, слухи, которые окружали ее имя. Кстати, о Жанне тоже ходит немало кривотолков. Поэтому мы решили попросить молодую певицу рассказать о себе и ответить на вопросы читателей «Кругозора».

Агузарова приехала на интервью в том же сценическом костюме, в котором выступала в Зелена-

ЖАННА
АГУЗАРОВА-
МОСКОВСКИЙ
ГАВРОШ

12

МОЛОДЫЕ НА ЗСТРАДЕ

Цена 1 р. 50 к.
Индекс 70 461
ISSN 0130-2698

На двенадцатой
звуковой
странице —
песни
«Желтые
ботинки»
(Е. Хавтан,
Ж. Агузарова)
и «Когда-нибудь»
(А. Пугачева,
И. Резник).

Гуре: коротенькие брючки-галифе
защитного цвета, высокие грубые
сапоги, из которых кокетливо вы-
глядывали кружевные портянки.
Задиристый хохолок вместо челки
и улыбка, в ответ на которую не-
возможно не улыбнуться. Она
с шутилой, почти торжественной
серьезностью начала:

— Быть певицей я никогда не
стремилась. Другое дело, что

пела... всегда. Мечтала стать дра-
матической актрисой театра
и кино. Приехала после школы из
Сибири в Москву поступать в теа-
тральный институт. Сдала докумен-
ты на актерский. И почти все чле-
ны приемной комиссии единогласно
проголосовали «против». Я по-
шла в ПТУ учиться на маляра.

Мне повезло — в училище оказа-
лись хорошие ребята. Мы собира-
лись вместе, кто-то играл на гита-
ре, я пела. И вот однажды мне
сказали, что в Бескудникове по-
явилась интересная группа моло-
дых музыкантов и им нужна со-
листка. Я нашла телефон руково-
дителя Жени Хавтана и позвонила.
Говорю: «Доброе утро, старина,
я хочу петь». Мои слова прозвуча-
ли словно пароль, он не удивился
и пригласил на репетицию. При-
ехала. Смотрю, стоит школьный
ансамбль, ребята все маленькие
какие-то, худенькие. Я-то по теле-
визору видела — в рок-группах все
красавцы как на подбор. Поехали
мы в далекий клуб в Бескуднико-
во. Там две хиленькие колоночки,
самоделная ударная установка.
Дали мне микрофон ржавенький,
ребята заиграли, я сразу про весь
антураж забыла. Так здорово они
играли!.. Заголосила от радости!
Думаю, только бы взяли... Жень
мне тогда ни «да», ни «нет» не
сказал.

Спустя неделю гуляю я по набе-
режной около высотного здания
(мне очень нравится архитектура,
музыка, мода 50-х годов), и вдруг
как-то сами собой сложились
строчки «Желтых ботинок». Ду-
маю, позвоню-ка Жене, узнаю, мо-
жет, приняли в ансамбль, тогда
и стихи покажу. Позвонила, и мне
говорят: «Приходи скорей, у нас
репетиция».

К моим «Желтым ботинкам» Жень
Хавтан написал музыку. С тех пор
мы с группой «Браво» вместе
и расставаться не собираемся.

— Традиционный вопрос о пла-
нах.

— Предстоит поездка в сканди-
навские страны на гастроли,
а дальше, дальше — безгранич-
ность. Я люблю это слово, для
артиста оно значит все. Сейчас
у меня, я бы сказала, «деревен-
ский период». Может быть, корни
дают о себе знать — я ведь роди-
лась в сибирской деревне. Стала
внимательнее вглядываться, вслу-
шиваться в природу, радоваться
зелени, цветам, лесу, облакам.

— Так что скоро заговорят о но-
вом «имидже» Жанны Агузаровой,
сменившей привычный для ее по-
клонников образ городской дев-
чонки, московского Гавроша...

— Пусть говорят. Для меня глав-
ное суть, каким бы ни был этот
пресловутый «имидж» — суть не
изменится.

А. ДАВЫДОВ

Фото Е. МАТВЕЕВА